

Светлана Андреева
Мы назовём её
ВОЗМЕЗДИЕ

16+

Светлана Евгеньевна Андреева

Мы назовём её Возмездие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32492217

SelfPub; 2019

Аннотация

Обычная студенческая практика оказалась чужой жестокой игрой, где юной журналистке Даре назначена роль орудия мести. А шумиха в СМИ по поводу её успехов – всего лишь привлечение внимания к её запланированной гибели. После ряда трагических событий, удастся раскрыть тайну планеты, над которой исследователи бились тридцать лет. И разгаданы они при непосредственном участии Дары. Но когда капитан оглашает результаты исследований, Дара с удивлением узнаёт, что её выводы вновь оказались ошибочны. Эти неполных 13 дней практики круто меняют её планы на будущее. С этого начинаются все дальнейшие приключения Дарирадость.

Содержание

День первый	5
Встретили меня не ласково	5
Я единственная журналистка, которая смогла сюда попасть!	15
День второй	24
Все двери для меня закрыты	24
Чуть не поссорилась с Надеждой	29
Занудный вирусолог и преступная халатность	36
Мне не дали времени на подготовку	41
Не вздумай выяснять отношения с капитаном	50
Я тоже могу заразиться?	54
Положительный герой, достойный небольшого романа	57
Все ли на станции люди?	65
День третий	71
Я чудовище	71
Поющие цветы	83
Это глупо, но я боюсь встретиться с ним	90
Вы прекрасно контролируете себя, Дара	94
Скучно – не научные споры	98
Её собрали искусственно?	107
Свежие глаза и уши	119
Это не свидание	130

День первый

Встретили меня не ласково

– Дарирадость – ваше настоящее имя или писательский псевдоним?

– О, этот вопрос мне задают при каждом новом знакомстве. Настоящее. Мама с папой расстарались, – я одарила его самой дружелюбной улыбкой, на какую только была способна, и добавила: – можно просто Дара. Друзья меня так называют.

Не помогло. Под прицелом его серых глаз я невольно выпрямилась. Капитан сканировал меня взглядом холодно и равнодушно, словно я была неодушевлённой вещью. Обидно. Я всё-таки, довольно интересная девушка. А он, как ни крути, мужчина. Я рассчитывала, что в его взгляде будет больше заинтересованности. Признаюсь, настолько холодного приема я не ожидала.

– Дара, я получил уведомление о вашем назначении к нам четыре часа назад. Такая оперативность у нас редкость, – без всякой интонации констатировал он. – И никто так и не смог объяснить мне – в чём смысл вашей миссии.

Я невольно зябко передёрнула плечами. Какой пронзающий насквозь ледяной взгляд. Почему он так смотрит на ме-

ня? Словно сомневается, что я человек.

– На мой запрос министерство ответило, что вы сюда при-
были, – он сделал паузу, продолжая внимательно изучать ма-
лейшее изменение мимики на моём лице, – чтобы сказки пи-
сать.

– Да, это именно так, – подтвердила я, сделав ещё одну по-
пытку растопить его холодность моей лучезарной улыбкой.

Капитан ни на секунду не отвёл от меня холодных сталь-
ного цвета глаз, словно ожидал, что я вот-вот сделаю что-
то. Что-то странное и непредсказуемое. Например, в любую
секунду начну превращаться в какое-нибудь чудовище. Или
признаюсь в преступлении.

– То есть, вас прислали на закрытую для посещений даже
специалистами орбитальную станцию пятого уровня опасно-
сти писать детские сказки? – без малейшей нотки сарказма
в голосе уточнил капитан.

– Это решение было принято на уровне министерства, –
вырвалось у меня, – это важная работа!

Вот, досада! Чего мне не стоило делать, так это уязвлять
его самолюбие. Я вовсе не планировала козырять своим по-
ложением. Это вышло машинально, из необходимости защи-
титься от давления его невыносимого сверлящего взгляда.

– И для написания детских сказок вам необходимо нахо-
диться в условиях повышенной опасности? – его голос, есте-
ственно, стал ещё жёстче. – Так в чём всё-таки смысл вашего
пребывания здесь?

– Я действительно должна написать серию рассказов о вашей работе. Если хотите сказок, раз это для детей.

Я не теряла надежды произвести на него впечатление, мне не привыкать встречать такую реакцию на мою профессию, и это уже не первая моя такая поездка. И, стараясь не обращать внимания на холодность его взгляда, я улыбнулась и продолжила:

– Я участвую в правительственной программе «Мечта о дальних мирах». Цель программы – привлечь подрастающее поколение к работе, которой вы занимаетесь. Вы не единственный, кто испытывает нехватку кадров. Для того масштаба исследований, людей катастрофически не хватает. И это при нашем-то населении. Но молодёжь не хочет уезжать с комфортных обжитых планет ради исследования новых миров. Поэтому, правительство решило воспитать новое поколение в том духе романтического героизма первопроходцев, которые выросли с мечтой о покорении новых миров, с жадой исследований.

Короче, мы пишем увлекательные сказки, сценарии фильмов для детей разного возраста, с учётом их уровня развития и интересов на каждом возрастном этапе. Мы хотим воспитать детей на наших сказках о манящих неизвестных мирах, мы хотим заразить их желанием двигаться вперёд, познавать и заселять новые миры.

– Неплохое решение, учитывая, сколько тунеядцев развелось, – кивнул капитан, но взгляд его так и продолжал хо-

лодно сканировать меня. – Но почему сюда? Здесь – то детям что может быть интересно?

– Загадку этой планеты ведь до сих пор не разгадали? – улыбнулась я. – Что может быть более притягательно для детей, чем тайна? Это моё четвёртое задание, капитан. И я лучшая в этой программе, поэтому к вам направили именно меня.

Я на секунду задумалась, стоит ли мне рассказать капитану, что мои сказки и сценарии побеждали на всех трёх конкурсах, и я, как трижды победитель конкурса, получила право сама выбрать, куда хочу полететь за следующим сюжетом сказки. Что же я ещё могла выбрать, как не планету, которую исследуют уже тридцать лет и до сих пор не могут разгадать, что здесь происходит? Но, поймав на себе очередной пронизывающий насквозь взгляд капитана, решила не открывничать об этом. Пока.

– И это единственный ваш талант?

Я с трудом смогла сохранить улыбку под его совсем не дружелюбным взглядом. Надо же какими холодными могут быть серые глаза. Как выстуженный холодом открытого космоса металл.

– Простите, я не поняла.

– В таких экспедициях как наша, обычно люди совмещают несколько профессий. Я просил прислать мне биохимика по планетарной группе класса «В», просил второго оператора и экзотехника, а мне прислали сказочницу. Вы не эколог по

совместительству случайно?

– Боюсь вас разочаровать, но нет, – мои попытки пококетничать с ним остались безрезультатными. – Я журналист со специализацией на детской аудитории.

– Детской, – он на минуту откинулся назад, прикрыл глаза и вздохнул. – У меня людей не хватает, а они мне туристов засылают!

О! Неужели хоть какие-то эмоции ему не чужды? Хотя бы раздражение.

– Простите, Дарирадость. Дара, – мгновенно вернулся к официально холодному тону капитан. – И как именно будет происходить эта ваша... работа здесь? Я хочу знать, уж извините за откровенность, насколько сильно вы намеренны мешать нормальной работе станции.

Я, конечно, понимаю, что прилетела в одиннадцатом часу ночи, но это же не повод смотреть на меня как на врага? Словно я виновата в этом. Что он так уставился на меня?

– Считайте, что я журналист... – начала я, и почувствовала уже привычное мне, негативное отношение к этому слову.

– Именно поэтому я и хотел бы знать ваши планы, – лицо капитана ни единым движением не выдало его чувств, но тон голоса стал ещё холоднее, а ведь секунду назад мне казалось, что холоднее уже не возможно. – Моя задача обеспечить возможность продуктивной работы всех специалистов на станции, и присутствие журналиста этому никак не способствует. Скорее, наоборот.

– Не всё так плохо, – поспешила успокоить его я. – Я буду просто наблюдать за вами всеми, иногда приставать с вопросами. Немного фотографировать. Записывать, а потом буду тихо сидеть в своей комнате и писать. А потом опять наблюдать, фотографировать, спрашивать и писать. И так двадцать восемь суток. А потом вы от меня избавитесь.

– Двадцать восемь суток, – повторил капитан.

– Да, – улыбнулась я, хотя меня столь длительный срок тоже не устраивал. – В соответствии с вашим графиком струнного транспорта. Кстати, капитан, я понимаю, что у вас очень плотный график. Выделите мне время для интервью с вами, пожалуйста.

Я всё ещё надеялась растопить его лёд моим вниманием и доброжелательностью.

– Сколько времени это займёт? – холодно поинтересовался он на мгновение, сверившись с данными дисплея.

– Час, – я сообразила, что не выдержу столько с ним, если он будет так сверлить меня взглядом, и поправила: – или хотя бы двадцать минут для начала.

– Двадцать минут, – он даже внимания не обратил на такое сокращение времени интервью. – Завтра в одиннадцать пятнадцать, смотровая палуба возле столовой. Устраивает?

– Да, благодарю, – я улыбнулась, он нет.

Как люди вообще работают с этим деспотом? Он в каждом врага видит, или только мне такая честь выпала? А в досье говорить люди от него без ума.

– Дара, вы договор о правилах вашего пребывания здесь читали перед подписанием?

– Да, – кивнула я, хотя сейчас я не была уверена, что смогу хоть что-то припомнить из этого скучного документа.

– Прекрасно, – кивнул капитан и положил на стол передо мной массивный браслет. – Это ваш.

Я уже видела такие штуки и то, что он сейчас предложил мне надеть это на себя, было по меньшей мере оскорбительно. Я же не киборг, не больная, не приговорена к наблюдению за правонарушением. Контроль моих биопараметров – совершенно неоправданное вторжение в мою личную жизнь! Я совершенно не обязана давать кому-то возможность отслеживать перепады моего настроения или самочувствия. Это моё лично дело! Если бы не леденящий, сковывающий меня взгляд капитана, не сводящего с меня глаз, я бы в негодовании просто запустила этой штукой ему в лицо.

– Но... – подавив в себе вспышку справедливого гнева, я смогла выдавила только: – это же не коммуникатор?

– Верно, – подтвердил капитан, – это браслет биоконтроля. Носить обязательно для всех членов миссии. Доктор завтра утром откалибрует по вашим личным параметрам.

Не смотря на мои отчаянные попытки скрыть явное неодобрение относительно его распоряжения, он, конечно, всё прочёл на моем лице и холодно уточнил:

– Помочь застегнуть?

Я перевела взгляд на его руки и только сейчас заметила

такой же браслет и на его запястье.

– Нет, я справлюсь.

Так, наверно, чувствовали себя бесправные рабы в далёком прошлом, добровольно надевающие на себя кандалы. Отвратительно чувство бессилия. Биопион притворно мягко застегнулся на моём запястье. Снять его сама я уже не смогу.

– Как вы помните, по условиям подписанного вами договора, проверка и калибровка данных браслета проводится ежедневно, – пронзительный взгляд капитана хуже всякого биосканера отслеживал малейшие изменения выражения моего лица. – Доктор назначит вам время.

Вот теперь я вспомнила, что в договоре действительно было что-то про ежедневный осмотр у доктора. Как же у меня не отложилось в памяти, что я буду под постоянной слежкой? А! Точно, они же называют эту штуку официальной аббревиатурой и серийным номером выпуска. Поэтому, я даже не поняла о чём это. Вот, засада! Ладно, переживу.

Не могла же я признаться капитану, что так халатно отнеслась к ознакомлению с договором, что у меня на это времени не было. Пришлось вернуть себе непринуждённо доброжелательный вид. Под его пристальным взглядом это сделать не так уж просто.

– А теперь я предлагаю вам пройти в вашу каюту и отдохнуть после длительного перелёта, – капитан, наконец, отвел глаза от моего лица.

– О, я совсем не устала! – упрямо улыбнулась я, как только оказалась не под прицелом его взгляда.

– Рад слышать, что перелёт был не очень утомительным, но на станции сейчас без четверти час ночи, – поставил меня в известность капитан. – График работы станции выстроен по стандарту двадцати четырёх часовых земных суток. Каждое утро в семь тридцать сразу после завтрака у нас совещание. Приглашаю вас присоединиться к нам.

В его тоне не было даже намёка на то, что он действительно хотел бы меня видеть на этом совещании. Но я и не подумала вежливо отказаться. Я журналист, мне нужно там присутствовать.

– Всё остальное время в вашем усмотрении, – капитан поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

– Благодарю, капитан, – я тоже встала, упрямо продолжая приветливо улыбаться ему.

– ЛИ семь проводит вас в вашу каюту.

– Простите, кто?

– ЛИ 7 – вот это юркий робот. Ваша карточка уже активирована в его программе. Он будет вашим проводником по нашей станции.

– И ЛИ 7, конечно, уже знает, куда мне нельзя соваться?

– Вы очень проникательны, Дарирадость, – капитан проводил меня к дверям. – Подходящее имя для сказочницы.

– Я понимаю, что моя работа по сравнению с вашей, кажется неважной, – мне не очень хотелось прекращать нашу

первую беседу на столь холодной ноте.

– Напротив, Дара, – капитан так и не улыбнулся мне. – Возможно, я даже узнаю качество вашей работы. По выбору профессии моим сыном. Ему сейчас уже почти три года.

– Я буду очень стараться. Тем более, зная для кого именно, – я как можно обаятельнее и дружелюбнее улыбнулась, не обращая внимания на холодный взгляд его глаз.

Стальной, холодный, неприветливый. У него даже глаза цвета стали. Непробиваемый взгляд. Пожалуй, сейчас мне из него улыбки не выдавить. Но я, всё же, одарила его ещё одной улыбкой, прежде чем пошла за роботом. Похоже, мои чары на него совсем не действуют. Я вздохнула. Ну, этого следовало ожидать. Это тебе не в кафешках праздным гулякам глазки строить. Но попытаться стоило.

– Спокойной ночи, капитан.

– Спокойной ночь, Дара.

Я единственная журналистка, которая смогла сюда попасть!

Может, он просто устал и поэтому не в духе? Всё-таки, сейчас уже ночь. Какие ещё причины могут быть для столь неласкового приема? Я невольно передёрнула плечами, вспомнив его ледяной пронзительный взгляд. А в его досье написано, что люди просят работать с ним в следующих миссиях. Хотя, в его досье много странностей.

Капитан, кстати, оказался очень привлекательным мужчиной, чего я, надо признаться, совсем не ожидала. Глядя на его фотографии в досье, у меня сложилось впечатление, что они хорошо отретушированы. Но он и в самом деле прямо как с рекламного проспекта флота быстрого реагирования: в идеально сидящей наглухо застёгнутой форме. Этот твёрдый уверенный взгляд стальных глаз и ранняя седина в густых волосах ему очень идёт. Добавляет шарма мужественности. Тем обиднее, что он не отреагировал на меня как на девушку. А я ведь одарила его самым завораживающим из арсенала моих взглядов. Но, нет. Он просто сканировал меня этим убийственно ледяным испытывающим взглядом. Ну, ничего, завтра он выспится и всё будет иначе.

Я остановила ЛИ 7 и заявила, что хочу пойти в столовую. Я не была голодна, но мне хотелось осмотреться и совсем не хотелось спать. И под конвоем моего железного дружка я от-

правилась искать столовую, которая на таких станциях заодно является местом встреч, знакомств и шумных вечеринок. Не может быть, что бы в час ночи все уже спали.

Вот досада! Неужели действительно все уже спят? Час ночи же всего! Столовая пуста. ЛИ 7 заботливо активировал кухню, думая, что я голодна. Но есть мне не хотелось. Мне хотелось осмотреться, и я пошла дальше под возмущённый стрёкот моего шустрого надзирателя.

Станция как станция, уже немного устаревшая отделка. Ей же уже тридцать лет. Я была и на более новых. Типовой проект. Колесо лабораторий отделяет от жилого отсека смотровая палуба с окном во всю стену. Здесь же находятся столовая, зал совещаний и центр управления орбитальной и планетарной техникой.

А вот и она: опасная, неразгаданная, опутанная сетью этих странных чужих спутников. В обзорное окно открывался восхитительный вид на целую треть планеты. Остальная её часть, не освещённая местным солнцем, словно растворилась во мраке космоса. Потрясающее чувство, когда у твоих ног медленно вращается целый неизведанный мир, бережно хранящий свои тайны. Уже ради этого стоит летать в исследовательские миссии.

Для девчонки родившейся и выросшей на небольшой планете с прекрасно благоустроенной жизнью, а я принадлежу именно к этой категории девчонок, не очень понятно, что

может заставить людей бросить весь этот комфортный мир и лететь на край вселенной исследовать опасные планеты. Я с нескончаемым восхищением отношусь к таким людям, но всё же, для меня они, скорее мифические герои времён покорения космоса, чем современные живые люди. Они легенда, покрытая благородной патиной. Они вызывают гордость за наше героическое прошлое, но вдохновляют ли они идти по их пути? Да не больше, чем былинные богатыри. Как бы мы не благоговели перед святостью памяти о них, никому в современном мире в голову не придёт залезать на коня и размахивать палицей.

Те трудности и опасности, с которыми сталкивались первопроходцы космоса, теперь в прошлом. Теперь всё автоматизировано, отлажено и максимально удобно. И блеск героического покорения новых планет из-за этого поблек и больше не прельщает молодёжь. Тем интереснее задача, которую поставило передо мной участие в этой правительственной программе. Найти героизм в работе современных исследователей космоса и вдохновить юное поколение на новый рывок экспансии активно приумножающегося человечества.

Я стояла и смотрела на эту загадочную планету у моих ног и чувствовала себя тоже немного героем. В конце концов, я тоже бросила уютный безопасный мир ради моих исследований. Надеюсь, это поможет мне понять их лучше.

Зануда – робот отвлек меня от размышлений, сообщив, что уже второй час ночи и настоятельно требовал пройти в

каюту. Но мне необходимо было побыть здесь ещё немного, и я приказала ему ждать десять минут, соврав, что у меня сейчас вечерняя медитация.

Итак, что я знаю об этой загадочной планете? Что вокруг планеты нарезают круги восемнадцать чужих спутников, постоянно передающих какие-то сигналы, до сих пор не расшифрованные. Спутники совсем чужие. В смысле, не нашей цивилизации и ни одной из известных нам. И первая миссия на эту планету буквально взорвала мир открытием этих самых прекрасно действующих до сих пор остатков чужой цивилизации. Мой парень про это мне все уши прожужжал. Потому что он сам инженер, изобретатель. А эти самые чужие спутники исследовали его кумиры – именитые инженеры, и они оказались очень древними, сделанными по самовосстанавливающемуся принципу, и работают они на энергии местного солнца. Я уж точно достаточно об этом знаю, потому что мой парень изучал эту технологию и использовал кое-какие наработки для своих «изобретёньшей».

Ещё на планете нет достаточно разумной цивилизации, но есть развалины городов и разных строений и покрытые нечитаемыми предположительно письменами каменные плиты. А ещё невероятнее, что на планете даже атмосфера почти подходящая для дыхания, что, согласитесь, тоже редкость и практически во всеуслышание заявляет о возможности заселения планеты людьми. Эта планета просто кладёзь тайн и возможностей, и, тем не менее, ей присвоена самая высшая

степень опасности.

«То есть, вас прислали на закрытую для посещений даже специалистами орбитальную станцию пятого уровня опасности писать сказки?». Официально холодный голос капитана миссии всплыл в моей памяти, остудив мои восторги. Неприятный холодок шевельнулся где-то внутри меня. Я невольно покосилась на браслет биослежения на моём запястье. Ну, нет! Меня бы не послали сюда, если бы это было действительно опасно. Я же студентка. И я, по сути, лицо программы «Мечта о дальних мирах». А это правительственная программа, ей же сам Генрих Вайтмас руководит. Они не допустят, что бы со мной что-то случилось. Глупости всё это. Капитан просто был не в духе, вот и пытался меня запугать уровнем опасности. Я отогнала сомнения и вернулась к любованию планетой.

Планету за тридцать лет исследования закрывали четыре раза. И возобновляли вновь. Её пригодность к заселению не позволяла просто отказаться и уйти после того, как она была признана опасной. А всё потому, что здесь произошло семь очень странных случаев сумасшествия среди команды. Причём, четыре случая произошло на планете и три на самой станции, здесь на орбите.

Первую миссию закрыли после трёх таких случаев на самой планете и одного на станции. Вторую миссию закрыли после того как сошёл с ума пилот посадивший на планету самоходный исследовательский модуль. Третья миссия бы-

ла закрыта после потери разума биофизиком на орбитальной станции, который в это время работал с биологическими образцами с планеты. Четвертая миссия была отозвана после того как сошёл с ума геолог. И объяснений этому так и не нашли.

Эта миссия пятая по счету. И надо быть очень храбрым человеком, что бы согласиться участвовать в ней после всех этих случаев необъяснимого умалишения. Мне невероятно повезло попасть сюда. Люди, которые участвуют в этой миссии, прекрасно знают, что этой планете присвоена высшая степень опасности, что четыре предшествующих им миссии закончились трагически. Но они всё равно прилетели сюда. Члены такой команды просто обязаны стать героями для подражания юному поколению исследователей. Где ещё я могла бы узнать, что движет ими, что вдохновляет, почему они выбрали эту работу? Лучших прототипов для героев моих рассказов просто не придумаешь!

И знаете что? Я единственная журналистка, которая смогла сюда попасть! Чего тут скромничать? Я это право заслужила! Я получила это назначение в награду. И мне прямо было сказано, что самое ценное в моих работах – что я умею передать читателям мой мятежный, бунтарский дух и превратить его в жажду приключений. Так что, на этой битком набитой загадками планете, мне самое место. Именно здесь я напишу самые вдохновляющие детей сказки!

Подумаешь, не выпавшийся капитан не ласково встре-

тил. У меня ещё будет время с ним подружиться. Подумаешь, мне на руку биошпиона повесили. Это всего на несколько дней. Зато я единственная, кто смог попасть сюда!

Я смотрела на планету у своих ног и чувствовала себя победителем. И никакие придирки к моей профессии меня не переубедят в значимости моего труда. Люди просто плохо понимают, чем я занимаюсь!

ЛИ 7 стал настойчиво предлагать проводить меня в мою каюту. Подумаешь ночь, мне совсем не хотелось спать. Я прошла по кольцу коридора. Вот что мне всегда нравится на таких станциях: искусственная гравитация в модулях лабораторий. Идёшь по ленте дорожки внутри этого кольца, а другие люди, относительно тебя идут по стенам или потолку. И можно было бы просто остановиться, задрать голову и разговаривать с кем-то, кто стоит над тобой на потолке, если бы сквозь зимний сад, висящий в центре у всех над головами, было что-то видно.

Мне слышались приглушённые покрытием дорожки шаги, и я задрала голову. Чей-то силуэт мелькнул сквозь стекло зимнего сада. И я невольно вздрогнула. Не от неожиданности встречи. Нет, просто что-то очень неправильное было в этом мелькнувшем силуэте. Какая-то сплюсненность, деформация пропорций. Разве это стекло так искажает пропорции? Нет, не может быть. Наверно, мне просто почудилось. Я ведь видела его только мельком. ЛИ 7 настойчиво предложил мне пройти в каюту, но я прошла по кольцу туда,

где мелькнул этот искажённый силуэт. Никого. Всё заперто. Куда он делся?

– У вас нет права доступа в эту лабораторию, – догнал меня ЛИ 7.

– Я и не собираюсь туда заходить.

– Рекомендую вам пройти в свою каюту.

– Ты можешь помолчать хоть пять минут?

– Могу. Но это подвергнет вас риску облучения.

– Какого облучения?

– До включения режима полной дезинфекции всех общественных помещений осталось двенадцать минут.

– О! Так в честь моего прибытия даже дезинфекцию станции назначили?

– Полная дезинфекция проводится каждую ночь с часа двадцати пяти до...

– По-моему, они перебарщивают с мерами безопасности. Я понимаю, что пятый уровень опасности – это не шутки, но нельзя же серьёзно всё это делать!

– Рекомендую вам пройти в свою каюту, – не унимался он.

– Да замолчи ты, наконец! – обернулась я к неутихающему роботу. – Хорошо, хорошо, уговорил. Я иду спать.

Лампы освещения переключились на режим тревоги. Пошёл обратный отчет до включения сканера отчистки воздуха. Я едва не перешла на бег. Я успеваю дойти, даже всю станцию обойти успею, но это всё равно нервирует. Мало того, что я почти час провела в камере дезинфекции и прошла

полное сканирование по прилёту сюда, так потом ещё допрос у капитана, и этот проклятый браслет биослежения, да ещё и постоянная дезинфекция всей станции. А ведь ещё будет ежедневный осмотр врача. К чему такие сложности? А мне целых двадцать восемь суток здесь жить и терпеть всё это. Кошмар!

День второй

Все двери для меня закрыты

Я открыла глаза и вспомнила, где нахожусь. И победный вопль чуть не сорвался с моих губ. Хотя, наверно, звукоизоляция здесь позволяет немного поорать от радости. Ещё бы! Я на засекреченной станции, на которую и взрослые специалисты не могут попасть. А я попала! И, между прочим, я ещё только второй курс университета окончила. С моей стороны было невероятной наглостью попроситься сюда, но сработало же? Кто бы не мечтал о такой практике?

Итак, у меня есть ответственное задание. Мне нужен образ настоящего героя. Каким детям захочется быть, которому захочется подражать. Что бы они, играли в него, примеряли на себя его образ с детства, представляя, как они станут такими же. Он должен вдохновить их мечтать о космосе, о подвигах, открытиях, исследовании новых миров. Где ещё можно найти прототипов таких героев, как не на исследовательской станции, изучающей планету пятого уровня опасности? Это же героизм в чистом виде! И начать изучение прототипов нужно, конечно же, с капитана. Хоть он и встретил меня без оркестра и обнимашек.

Ой! Завтрак! Совещание! Здесь же всё по расписанию! Я

проспала!

Я соскочила с кровати и бросилась одеваться. В расписании станции значиться 7-00 завтрак, 7-30 общее совещание экипажа станции, присутствовать всем. А сейчас уже 9-07. Вот засада! Ну, ладно. Для первого раза простительно.

– Мог бы меня и разбудить! – укоризненно высказала я ЛИ 7. – Ну ладно, я имела в виду, что следовало будить меня понастойчивее. Твои «через десять минут время завтрака» меня из тёплой постели не выгонят.

Завтракать пришлось в одиночку. Я сразу же отправилась искать остальных членов миссии. Через двадцать минут от моего прекрасного настроения уже и следа не осталось. Двери всех лабораторий, зал управления – всё было заперто. У меня никуда не было доступа! Ну, не совсем никуда, во все общественные места вроде спортзала и зимнего сада я могла свободно проходить, но я словно оказалась в полном одиночестве на этой большой пустой станции. Они все позакрывались от меня! Что, все так ненавидят журналистов? Или все так заняты в своих лабораториях, что к ним уже и зайти нельзя?

Я ещё раз высказала ЛИ 7 за его непродуктивные попытки разбудить меня вовремя. Ну вот, это была прекрасная возможность застать всех вместе и сразу со всеми перезнакомиться. Плохо, что на обед и ужин они так все вместе не собираются. По крайней мере, ЛИ 7 так говорит.

Я вышла на кольцо лабораторий. Всё заперто. Вот засада!

Я проспала совещание, а теперь они все заняты работой. А я даже постучаться к ним не имею права, потому как даже не знакома с ними. Или рискнуть?

Я подошла к двери ближайшей лаборатории. Опечатано. Не заперто, а опечатано! Как это?

– У вас нет доступа в эту лабораторию, – сообщил ЛИ 7, как только я остановилась возле этой двери.

– Да знаю я! – огрызнулась я.

Судя по дате на полосе замка, лаборатория была доставлена на станцию три с половиной месяца назад. И до сих пор не используется? Странно. Я быстро перешла к следующей.

– У вас нет доступа в эту лабораторию, – назойливо сообщил мой надсмотрщик.

Тоже опечатано. Ими не пользуются? Ещё одна опечатанная. Странно. Зачем на станции лаборатории, которыми не пользуются? Да здесь целых пять таких не распакованных лабораторий! И только три работающих. Остальные узлы пусты. Пять простаивающих лабораторий! Это очень странно.

Вообще-то, блоки лабораторий – это очень мобильная система и нет никакого смысла держать простаивающие блоки про запас. Обычно лабораторию привозили на станцию вместе со специалистом, который в ней будет работать. Ну, возможно, на пару дней раньше. Потому что обычно людей на грузовиках как меня не привозят. И когда специалист заканчивает работу на станции, лабораторию отстыковывают и перекидывают туда, где она сейчас будет нужна. А здесь

они просто простаивают уже три месяца. Куда смотрит распределительный центр?

Пройдя полный круг с ревизией, я остановилась у дверей медицинской лаборатории и взглянула на массивный браслет на моей руке. Вот прекрасный повод побеспокоить доктора. Тем более, что капитан мне это и велел сделать. Я взглянула на табличку с именем на двери и опустила протянутую уже к панели вызова руку. Да, причина глупая, но мне сразу расхотелось встречаться с ним.

Пабло Бенцони. Какая распространённая фамилия среди докторов. Или, возможно, это его внук? Хотя, если он похож на своего деда, то лучше бы он оказался однофамильцем. Я как-то уже встречалась с одним доктором Пабло Бенцони, и клянусь, я ещё ни разу так не радовалась моменту расставания с кем-либо другим. Наверно, он очень умный и квалифицированный специалист, но зануда ужасный! Мне однажды не посчастливилось лететь вместе с ним. И я за время полёта сто и один раз успела пожалеть, что задала вопрос о вирусах этому благообразному старичку. Полёт превратился в нескончаемую монотонную занудную лекцию о свойствах вирусов и отличия их от небелковых форм жизни. Мне большого труда стоило не уснуть под его безжизненный голос до того как нас рассовали по перегрузочным капсулам. А ведь кому-то не повезло ещё больше. Он ещё и в трёх институтах преподаёт! Мои соболезнования его студентам. Пусть они будут не родственники, ну, пожалуйста!

Я едва успела снова протянуть руку, как краем глаза уловила движение сбоку и успела обернуться до того, как силуэт женщины исчез в проеме двери лаборатории. Я, не раздумывая, бегом бросилась за ней. Вот это гораздо интереснее общения с докторами!

Чуть не поссорилась с Надеждой

Единственная женщина на станции это Надежда. И её мотивация лететь сюда для меня очень интересна. В досье написано, что в третьем классе у неё был низший бал по ботанике. А уже на следующий год она победитель олимпиады по биологии! Интересно, что повлияло на резкую смену её отношения к предмету? И потом целая череда побед на различных школьных олимпиадах и конкурсах. Там на два листа список и всё победитель, победитель, призёр... А далее практика на Ральге, университет с отличием, практика в космозоо, практика в проекте переселения какой-то живности с падающего в чёрную дыру спутника, работа в паре миссий, работа в институте, экспедиция куда-то, я уже забыла куда. Но самое интересное для меня – она отказывается от работы над престижным проектом космозоо ради подготовки к этой миссии! Это более чем странно. Несравнимые по значимости проекты. Кто угодно бы выбрал космозоо на её месте, а она семь лет ждала возобновления этой миссии. У неё должна быть очень серьёзная причина выбрать дальний космос, а это как раз то, что меня очень интересует!

Я едва успела подставить руку перед закрывающейся за Надеждой дверью лаборатории. Сработало. Дверь неохотно остановилась и раскрылась шире, давая мне возможность безболезненно убрать руку. Или проскользнуть внутрь, что

я и сделала.

– Привет! К тебе можно?

– Привет, – без особого энтузиазма в голосе отозвалась Надежда, лишь на короткий брошенный в мою сторону взгляд, оторвавшись от просмотра каких-то записей на дисплее. – Ты, должно быть, Дарирадость?

– Очень проницательно, – я с удовольствием отметила, что она улыбнулась, значит, с ней не всё потеряно.

Надежда покосилась на закрывшуюся за мной дверь, но ничего не сказала.

– Я не помешаю? Мне следовало попросить разрешения войти, – изобразила смущение я.

– Ничего, – она снова бросила на меня короткий взгляд и уткнулась в окуляр микроскопа. – Тебя действительно зовут Дарирадость?

– Да, – улыбнулась я, – родители учудили. Но лучше Дара. Так короче и не так выпендрёжно звучит.

– Хорошо, Дара, – она оторвалась от работы и улыбнулась.

– Это образцы с планеты?

– Да, то, что успели поднять оперативники во время вылазок на планету. Спуск на планету сейчас запрещён, – голос её нервно дрогнул и улыбка исчезла с её лица.

Так, мне не стоит говорить с ней о том, что заставляет её нервничать.

– Это останки гуманоидов? – я постаралась переключить её на другую тему разговора, в надежде, что она разговорить-

ся о любимой работе и мне легче будет вывести её на открытость.

– Ага, – вздохнула Надежда. – Ещё одна загадка.

– Неизвестный вид?

– Известный. Они, по хроникам Союза на пяти планетах и ещё двух спутниках в этой системе жили. Но совершенно непонятно почему они все вымерли.

– Сразу на всех планетах вымерли?

– Ты же знаешь, что от трех планет в этой системе только пояса астероидов остались? – с видом инспектирующего знания преподавателя уставилась на меня она.

– Да, я в курсе, что этот сектор от столкновений сильно пострадал, – отвертелась общей фразой я. – Три планеты взорвали, а с остальными что случилось?

– Черета природных катастроф, – Надежда вновь нагнулась к микроскопу. – По сути, только на этой планете они и остались тогда.

– И всё-таки, они здесь тоже вымерли. И ты теперь изучаешь от чего?

– И это в том числе.

– А почему они в таких разных позах? – припомнила я факт, на котором акцентировал внимание кто-то из рассказывающих об этой планете журналистов в новостях.

– Наблюдательная ты, – Надежда взглянула на меня с одобрением. – Это тоже одна из загадок этой планеты. Почему они в таких нелепых позах по всей планете раскиданы.

– Я слышала версию про какой-то свержвирус, – призналась я.

– Да. Это официальная версия, но даже её я сейчас проверить не в состоянии. После всех этих несчастных случаев, приходится довольствоваться записями предыдущих вылазок и записями зондов и спутников. Пока Антон с командой не вернётся, – её тон вдруг вновь стал напряжённым.

– А кто такой Антон?

– Антон – это руки и глаза на планете для всех, кому спуск на планету закрыт.

– А! Он оперативник! – догадалась я.

– Он командир команды оперативников, – пояснила Надежда. – И он самый вменяемый из всех оперативников, с которыми мне приходилось работать. Так что, вся надежда на то, что он к нам вернётся поскорее.

– А что самое интересное в местной фауне? – я снова попыталась переключить её на другую тему, потому что мой вопрос про Антона явно заставил её нервничать.

– Понятия не имею! Я здесь уже третий месяц торчу, и мне ещё ни разу не позволили вниз спуститься, – эмоционально пожаловалась она.

– У тебя нет права на спуск? Ты же психобиолог, специалист по углеродным формам жизни? Я думала, твоя работа и заключается в том, что ты на планете всякую живность изучаешь.

– Меня угораздило простыть не вовремя, – с раздражени-

ем в голосе ответила Надежда. – А у тебя конечно, разрешение на спуск есть?

Она вдруг резко развернулась ко мне, сложив руки на груди, и взглянула на меня так, словно я её чем-то обидела.

– Я ещё не знаю, – пожалала плечами я. – В моем договоре это не значилось. А что, мне могут разрешить спуск?

– Может быть, – как-то недобро ухмыльнулась она. – Раз ты такая особенная, что тебя послали разнюхивать на закрытую для всех других станцию.

– Я не разнюхиваю.

– Тогда почему тебя прислали так внезапно?

– Почему внезапно? – я даже несколько растерялась от её напора. – К вам не так уж часто летают. Вот и торопились на ближайший рейс.

– Ты же журналист?

– Я писатель. Я пишу сказки для детей.

– Для детей? – Надежда нервно усмехнулась и по-детски обиженно поджала губы. – Ты хочешь сказать, что тебя прислали на закрытую для всех станцию, писать детские сказки?

– Представь себе, да! – не выдержала и огрызнулась я. – Это программа воспитания нового поколения с мечтами об освоении новых планет! И это серьёзная правительственная программа. И я не понимаю, почему ты злишься на меня? Я ведь не виновата, что тебе спуск запретили. Я всего лишь выполняю свою работу, так же как ты свою.

Она вообще-то намного старше меня и мне не следовало

так сразу переходить на панибратский тон с ней. Так она мне ничего больше не расскажет.

– В том то и дело, что мне мою работу выполнять толком не дают! – Надежда, выплеснув на меня раздражение, потерла виски длинными красивыми пальцами, и продолжила. – Прости. Я не должна была на тебя срываться. Я исправлюсь. Просто я себя чувствую совсем беспомощной. Ничего не получается. Одна надежда на Антона.

– А когда он прилетит? – поинтересовалась я, чувствуя себя виноватой за этот всплеск эмоций. – Здесь так мало людей по списку. Станция выходит совсем не жилая. И трети положенного состава нет.

– Как только найдёт замену в команду. Мы только начали работать, как у него в группе один ногу подвернул в спортзале, а второй... вторая забеременела, – вздохнула она. – Надеюсь, что скоро. Без него ...

Я аж подпрыгнула от неожиданности, когда из моего браслета вдруг раздался чуть надтреснутый голос.

– Дарирадость, найдите время зайти ко мне, пожалуйста. Ах, простите. Я не представился. Доктор Пабло Бенцони.

– Очень приятно, доктор, – отозвалась я, и увидела, как Надежда демонстративно отвернулась от меня к своим записям. – Я сейчас подойду, если вы не заняты.

– Да, будьте так добры, – проскрипел голос доктора в ответ. – Я жду вас.

– Извини, – я виновато улыбнулась Надежде.

Она нервно кивнула и жестом руки отпустила меня, словно царствующая особа.

За дверью меня ожидал мой железный надзиратель.

– У вас нет допуска в эту лабораторию, – запоздало предупредил он.

– Да, я догадалась. Пошли к доктору. И не говори, что у меня к нему нет допуска, он меня сам вызвал.

– Не понял просьбы, – вежливо признался ЛИ 7, догоняя меня.

– Отмена последней команды, – облегчила я его страдания.

Так, о спуске на планету с Надеждой лучше не говорить. Это у неё пунктик. О чём тогда? Мне необходимо подружиться с ней. Люди не рассказывают о глубинных мотивах поворотных моментов своей жизни тем, кому не доверяют. А Надежда оказалась такой нервной. Хотя, по сравнению с большинством моих подруг, она само терпение во плоти. Журналистов никто не любит. Ну что же, значит, мне придётся быть с ней более внимательной.

Занудный вирусолог и преступная халатность

Дверь распахнулась и мне чуть дурно не стало. О нет! Да не может такого быть! Это тот самый доктор. Ну, за что это мне? Но как? Он же совсем старик! Как это его прислали сюда? Он же преподаёт в трёх институтах, выступает везде. Да не может он быть врачом в исследовательской миссии! И, тем не менее, это был именно тот самый занудный лектор, и он был здесь.

– Здравствуйте, Дарирадость, – монотонно и безжизненно проговорил он, оторвавшись от разглядывания бегущих по экрану строк. – Добро пожаловать в нашу скромную компанию.

– Здравствуйте, доктор, – я взяла себя в руки и выдавила из себя лучезарную улыбку.

– А мы, случайно, не встречались ранее? – вгляделся в меня старик. – Я уж, простите, не могу запомнить всех моих студентов.

– Нет, нет! Я не ваша студентка, – меня саму ужаснула такая перспектива. – Но мы встречались. Вместе летели на Радую.

– Ах, да. Вот почему мне ваше имя знакомо. Многообещающее имя вам дали.

– Это причуда моих родителей.

– Я задержу вас всего на несколько минут. Сканер выявил у вас достаточно широкий эмоциональный диапазон. Возможно, придётся ещё корректировать. В вашем деле проблемы в медкарте. Вы, конечно, проходили проверку перед отлётом сюда.

Он говорил настолько монотонно, что я даже не поняла вопрос это или утверждение очевидного факта.

– Я проходила карантинный осмотр на борту, когда летела сюда.

– О. Какая преступная халатность, – возмутилась мимика доктора, при этом, никак не отозвавшись на интонациях его голоса. – Я непременно поставлю этот случай на рассмотрение комиссии.

– Но я здорова, – попыталась я смягчить ситуацию, – я ничем вас не заражу.

– Я просто обязан провести полное обследование, – упрямо пробубнил он.

– Хорошо, – мне пришло в голову, что это может быть даже на пользу мне, – я думаю, после того как вы подтвердите, что я абсолютно здорова, этот браслет мне не понадобится.

– Браслет нужен, что бы отслеживать любые изменения в вашем самочувствии, – пояснил доктор.

– Но я же здорова, – я не оставляла надежду уговорить доктора снять с меня эти кандалы, – я ничем вас не заражу.

– Это вы можете заразиться. Ваш организм может оказаться ослаблен.

– Чем заразиться?

– Вы же знаете о тех семи необъяснимых случаях.

По его лицу совершенно невозможно было определить – шутит он или просто пытается меня напугать.

– Да их же используют только для отслеживания изменения состояния больных. Или заключённых. А я здорова.

– Вы находитесь на станции пятого уровня опасности, юная леди, – назидательно напомнил он, – все на этой станции находятся под постоянным контролем. Мы обязаны как можно раньше обнаружить малейшие признаки заражения. Поэтому в этой миссии абсолютно все носят браслеты биоконтроля, и все показания с них анализируются каждые пятнадцать минут. И раз в день я провожу дополнительный осмотр, особенно если были какие-то скачки в показаниях.

– Это как-то через чур. Тотальная проверка здоровья. Да я и не могу заразиться, – усмехнулась я, – я не работаю ни с какими образцами с планеты.

– Остальные работают. А вы с ними контактируете, – он спокойно продолжал вводить какие-то настройки в программу отслеживания моего браслета. – К тому же три из этих семи случаев произошли именно на борту станции.

Это его спокойствие и полное отсутствие эмоций, придавали его словам больше серьёзности, чем любые доказательства. По моей спине пробежал неприятный холодок и в животе что-то сжалось.

– Вы просто пугаете меня, – покачала головой я. – Меня

бы не отправили сюда, если бы я могла чем-то заразиться.

– Увы, для вас заражение так же возможно, как и для любого другого члена нашей команды. Потому что причину заболевания и методы лечения наука ещё не нашла.

– Но сейчас же нет неизлечимых болезней?

– Есть. Например, эти семь случаев, – доктор, наконец, покончил с настройками моего браслета и, оторвавшись от экрана своей аппаратуры, повернулся ко мне. – Дарирадость, я вовсе не пытаюсь вас пугать. Но, видите ли, все предыдущие случаи заражения наступили так внезапно, что симптоматика так и осталась неизвестной нам. Поэтому в этой миссии и ведутся постоянные замеры. Очень важно выявить механизм заражения. Это поможет разработать меры защиты и, возможно, даже подскажет, как, наконец, излечить несчастных. Тех, кто дожил до сих пор, по крайней мере.

– Дожил? То есть, кто-то из них... погиб?

– К сожалению, – он аккуратно положил какой-то прибор, закрыл футляр и поправил его, чтобы все на столе стояло строго симметрично. – Четверым из этих семи мы уже ничем помочь не сможем.

– Это смертельно? – если бы у меня был хоть малейший повод заподозрить, что вся его речь розыгрыш, но, похоже, он совершенно не умеет шутить. – То есть, я должна буду ходить с этим браслетом, что бы вы сразу узнали, что я заражена?

– О, милое дитя, я совсем не хотел вас напугать, – в ис-

полнении его лишённого интонаций голоса это прозвучало не слишком убедительно. – Но вы же знали, куда летите? Вы и договор подписали. Необходимо соблюдать установленные на станции правила.

Да какая мне разница, что было в том договоре! Мне всего только надо выяснить мотивы прилёта сюда этих людей, описать их характеры, их истории и всё. Я не могу заразиться!

– У вас очень высокая амплитуда колебаний эмоций, – заметил доктор, поправляя что-то в настройках графиков, считываемых с моего браслета. – Пожалуй, так будет лучше. Одиннадцать утра. Вам удобно будет?

– Сейчас уже почти одиннадцать?

– Одиннадцать часов и семь минут, – доктор свернул окно настройки. – Через сутки как раз данные успеют накопиться.

– У меня встреча с капитаном! – Я бросилась к дверям.

– Так вас устроит время? – Проскрипел доктор мне в след.

– Да! Конечно!

Я вышла из его лаборатории и через несколько шагов зародившийся страх снова зашевелился. Неужели, я действительно могу заразиться? Это ведь не так? Разве мне разрешили бы лететь сюда, если бы была опасность, что я заражусь? Да ещё и чем-то неизлечимым? Нет, конечно! У меня просто воображение разыгралось. Он просто пугает меня, как тогда со своими занудными вирусами. Мне ничего не угрожает. Точно ничего. Так ведь?

Мне не дали времени на подготовку

Я вышла на смотровую площадку. До назначенного мне здесь свидания с капитаном ещё несколько минут. Есть время полюбоваться планетой и собраться с мыслями.

Самым вероятным прототипом для героя моей сказки, конечно, является сам капитан. Я успела изучить про него кое-какие данные, во время полёта сюда. Даже сквозь скупые строчки официального досье просвечивался бунтарский дух и жажда приключений. Как раз то, что нужно для героя, вдохновляющего других на мечты о дальних странствиях и неоткрытых планетах. Чаще всего приходится делать собирательный образ, но на этот раз мне повезло. И его внешность, и послужной список, и качества, упомянутые в его досье – это всё просто идеально подходит под мои задачи. Вот только смогу ли я разговорить его? Мне же не просто интервью для студенческой газеты надо взять. Мне нужно понять глубинные мотивы его личности. Что побуждает его поступать именно так.

Я вновь вспомнила его холодный тон и пронизывающий взгляд, и мне стало не по себе. Более того, я поймала себя на том, что боюсь этой встречи с ним. Я боюсь его? Почему? Он так смотрит на меня, словно я перед ним в чём-то виновата. В чём? В том, что его, оказывается, даже не предупредили заранее, что я прилечу сюда? Это само по себе, вообще-то

достаточно странно. Хотя, меня саму-то тоже не предупредили заранее.

Я услышала его голос, вздрогнула и машинально отпрыгнула в проём двери. Сердце заколотилось как бешенное. Что за глупость! Я не боюсь его. Подумаешь, смотрит неласково.

Капитан остановился, не дойдя до смотровой палубы. Перед ним медленно полз какой-то приплюснутый робот, быстро вскрывая панели в стене и снимая какие-то показания. Робот поставил панель на место и передвинулся. Капитан, читая что-то на ручном дисплее, сделал несколько шагов и остановился рядом с разбирающей следующую панель машиной. Он ещё не заметил меня. Надо выйти, глупо прятаться от него здесь.

– Добрый день, – я сделала шаг и улыбнулась ему.

– Здравствуйте, Дара, – он не улыбнулся, взглянул на меня и тут же вновь уставился на данные дисплея робота. – Ещё две минуты и я освобожусь.

Робот передвинулся к другой панели, ещё ближе ко мне, и капитан пошёл следом за ним. Я машинально взглянула на часы. Одиннадцать часов двенадцать минут сорок семь секунд. Какая пунктуальность! А я совещание проспала. Робот закрыл последнюю панель, и капитан сказал кому-то в браслет коммуникатора.

– Следов дирита не обнаружено. Проводка изнутри цела, оплавленных мест нет. Ты прав, плата выжжена снаружи. Запускай дроидов на обшивку.

– Понял, капитан, – отозвался бодрый голос и капитан развернулся ко мне.

– О чём вы хотели расспросить меня, Дара? У нас двадцать минут, – он лишь мельком взглянул на меня, явно ради приличия, и, как и я до этого, перевёл взгляд на планету.

– Вы сами проверяете техническое состояние станции? – не удержалась я.

Не чувствуя на себе его пронизывающий взгляд, я чувствовала себя гораздо увереннее.

– Как я вам уже говорил, в миссии приходится совмещать несколько профессий. В том числе и мне.

– И всё же, интересная, наверно, у вас работа? – я решила приятными ассоциациями попробовать смягчить его тон. – Вы бываете на новых неизведанных планетах. Там, где ещё никто не бывал.

– Всё не совсем так, как вы представляете, Дара.

– Нет, я понимаю, что это связано с большим риском, но это же так захватывающе – вы первый человек, шагнувший на неизведанную планету.

– Мне спуск на планету не грозит, – не отрываясь от медленно вращающейся у его ног планеты, равнодушно ответил капитан. – Я по уставу обязан все время находиться на станции в полной готовности к немедленной эвакуации всей миссии.

– Но в предыдущих миссиях вы же спускались вниз? Я читала об этом.

– Вы имеете в виду миссию на Грабату? – взгляд капитана смягчился. – Это была экстренная ситуация и на борту станции оставался заместитель, способный завершить миссию в случае моей гибели. На планете пятого уровня опасности устав это запрещает.

– Если исходить из устава, профессия капитана исследовательских миссий выглядит совершенно не вдохновляющее, – призналась я. – Нет, обеспечение безопасной работы специалистов – это очень важно и ответственно, но я, пожалуй, не смогу описать эту работу как ту, о которой можно мечтать с детства.

– Возможно, вам не об этой профессии стоит писать, если вы так думаете, – спокойно заметил он. – Попробуйте написать о других специалистах.

– Нет, это говорит только о том, что я плохо понимаю истинный смысл вашей работы, – я не готова была сдаться и позволить ему закончить наше общение раньше обещанного времени. – Ваш послужной список тому доказательство. Поэтому я и прошу вас рассказать мне о вашей работе. Я не могу объяснить детям то, в чём не разобралась сама.

– Так что в моей работе вас интересует? – он не оторвал взгляда от планеты у наших ног.

– Александр Викторович, вы же уже в четвертый раз руководите исследовательской миссией. И до этого в шести участвовали. И одна другой круче, – я была уверена, что упоминание о его подвигах польстит ему. – Палагра с её соля-

ными дождями и фиолетовыми рассветами, Грабата с гигантами, Владмата...

Я поймала на себе внимательный взгляд капитана. Опять тот пронизывающий ледяной взгляд. Что я не так сказала? Он смотрел на меня так, словно следующее, что я произнесу, будет для него приговором.

– Что конкретно вас интересует? – холодно спросил он, заметив, что я сбилась.

– Почему вы попросились в эту миссию? Именно в эту? Вам же предлагали Абролею.

– А чем эта миссия, по-вашему, хуже? – он опять сканировал малейшие изменения моей мимики.

– Она проваливалась уже четыре раза, – в лоб ему заявила я. – И велики шансы, что и в этот раз провалится. Это не самый лучший выбор для такой блестящей карьеры как у вас.

– Напрашивается вывод, что я сделал выбор не ради карьеры.

– Но что интересного может быть для вас в потенциально провальной миссии?

– Возможность сделать её не провальной, – спокойно ответил капитан.

– То есть, это вызов? Никто не справился, а вы сможете?

– Дара, я уверен, что участвовать в программе «Мечта о дальних мирах» предлагали не одной вам. Так ведь? – он вопросительно посмотрел на меня, ожидая ответа.

– Да. Почти всему курсу предложили предоставить своё

произведение отборной комиссии.

– И сколько человек согласилось?

– Пятеро. Но в итоге с нашего курса прошла я одна.

– Почему согласились вы? – он смотрел на меня, но сейчас взгляд его был гораздо мягче.

– Я поняла, что это действительно важно для человечества, и что я могу быть полезна. Я могу сделать что-то нужное и изменить наше будущее к лучшему.

– Для вас это было вызовом? – в его глазах мелькнула искорка насмешки. – Никто не справился, а вы сможете?

– Скорее, это вызов самой себе, – я невольно улыбнулась, подумав, что это он сейчас спрашивает меня, а не я его.

– Тогда вы сможете понять, что и я мог выбрать это назначение, потому что уверен, что могу быть максимально полезен здесь, где человечество споткнулось в своём желании осваивать дальний космос.

– И вас не останавливает такое понижение в статусе, в размахе исследований? Здесь вы сами проводку проверяете, команда не укомплектована, за три месяца работы пять лабораторий даже не распечатали. У вас на Владмате было более двухсот человек в подчинении. И к вам Генрих Вайтмас сам летал поздравлять с успехами.

Он несколько мгновений просто сверлил меня взглядом, прежде чем вновь перевёл взгляд на планету и спокойно ответил:

– У каждой миссии свои цели. Количество и качество

людей подбирается под конкретные задачи. Двести человек здесь просто не нужны. Но вы правы, команда ещё не до конца укомплектована. Сейчас это не мешает запланированным исследованиям.

– Да уж, после успеха Владматы, о котором трубили все телеканалы, здесь просто скит отшельника.

Он странно отреагировал на мою шутку.

– Перепроверяете информацию? – холодно и невозмутимо спросил капитан, пригвоздив меня своим ледяным взглядом.

– Какую информацию? – не поняла я.

– Дара, вы же всё изучили... или журналистов сейчас по-другому готовят? – в его голосе не было сарказма, только холодная отстранённость, но это всё равно меня задело.

– Нет не всё, – призналась я, недоумевая, чем вызвала столь резкое возвращение к прежнему официально-холодному тону общения. – У меня не было времени.

– Да, конечно. Были более важные дела.

– Мне не дали времени на подготовку, – зачем-то стала оправдываться я. – На следующее утро после моего выступления мне позвонили и сказали, что транспорт сюда уходит через четыре часа.

– Четыре часа, – невозмутимо повторил капитан. – Значит фраза «прошла подготовку для полевой работы» в вашем досье – досадная ошибка? К этой миссии вас не готовили.

– Я не поддельвала своё досье!

– Дара, я ни в чём не обвиняю вас. Я, так же как и вы, просто собираю необходимую мне информацию о вас.

– Я не виновата, что вас не предупредили обо мне. Просто всё произошло слишком быстро.

– Вас прислали сюда с нарушением всех установленных норм. Без подготовки, без медицинского контроля, без проверки психологической совместимости с командой станции. И я теперь за вас отвечаю.

– Журналистам часто приходится работать так оперативно. Раз ради этого даже были нарушены правила, значит, Генрих Вайтмас считал скорейшее моё прибытие сюда действительно важным.

Зря я опять напомнила ему о правительственном уровне моей миссии. Но это был единственный весомый козырь в моём рукаве. У него жилы на шее вздулись от напряжения при упоминании имени Генриха. Мне бы тоже было неприятно, если бы мне в лицо тыкали громкими именами министров. Всё-таки, он здесь главная власть. Похоже, я перестаралась с защитой своего уязвленного самолюбия.

– У меня нет никаких сомнений, что вы идеально подходите для целей Генриха Вайтмаса, – его голос словно ледяной стеной его от меня отгородил. – Он всегда безупречно подбирал исполнителей своих замыслов.

Я не успела ответить ему. Сработал вызов его коммуникатора.

– Прошу прощения, это срочно, – остановил меня капи-

тан.

– Капитан, вызов по красному коду, – отрапортовал бодрый звонкий голос.

– Понял. Сейчас приму, – капитан повернулся ко мне. – Прошу прощения, Дара. У нас будет возможность продолжить общение. А сейчас разрешите оставить вас.

Он поспешно направился к своей каюте, оставив меня в растерянности. Странная у него манера отвечать на вопросы. И кто кого в итоге расспрашивал? «Вы идеально подходите для целей Генриха Вайтмаса». Странная фраза. Что он имел в виду? Меня навязали ему на голову, и он теперь всеми способами демонстрирует мне мою ненужность здесь! Ну, понятно, я же не биофизик или специалист по контактам с внеземными формами жизни! Но, между прочим, воспитание молодого поколения, тоже важная задача. Я не просто космотурист! У меня тоже важная миссия! И его начальство это понимает лучше его!

Ну, ничего, я всё равно узнаю всё, что мне надо! Подумай, капитан! Может, ещё и не он будет главным героем!

Не вздумай выяснять отношения с капитаном

После общения со строгим капитаном, мне очень не помешала бы доставка заветной коробочки из кондитерской на углу возле центрального сквера. Но на двадцать восемь дней моего заточения здесь, я обречена на полезную гармонично сбалансированную выращенную в идеальных условиях и рассчитанную в идеальных пропорциях, лишённую яркого вкуса, еду. Мамочка будет счастлива узнать, что я, наконец, правильно питаюсь. Но мне точно срочно нужно побаловать себя чем-то, и восстановить баланс хорошего настроения. Пусть даже сбалансированной и полезной медово-яблочной пастилой. И поболтать с кем-нибудь. Но на эти проклятые двадцать восемь дней я отрезана от доступа к сетям и моим подругам. Вот кому душу излить? Этому железному болвану что ли?

– Ну, что ЛИ 7, видел как капитан ко мне придирается?

– Не понял вопроса.

– Он меня ненавидит!

– Кто? – вместо ЛИ 7 поддержала разговор Надежда.

Я совсем не ожидала застать её в столовой, иначе, я бы, конечно, была более сдержана в выражении эмоций. Но теперь, что уж скрывать. Она же психолог, одного взгляда на меня ей хватило, что бы понять моё состояние.

– Капитан, – призналась я.

– Не льсти себе. Кем бы ты не была, капитану, скорее всего, это безразлично.

– Ну, хватит! – не выдержала я. – Кем ты меня считаешь? Дочкой главнокомандующего или агентом спецслужб?

– Откуда я знаю, кто ты такая и почему тебе разрешили прилететь сюда? – она отхлебнула какую-то тягучую тёмную жижу из высокого стакана.

– То есть, раз ты семь лет добивалась права прилететь сюда, а меня просто взяли и прислали с заданием, то я точно любовница министра?

– Ну... избавиться от надоевшей любовницы можно и более надёжным способом. Ладно, извини, – смягчилась она. – Но нас же не просто так предупреждали быть поаккуратнее с тобой.

– Кто предупреждал?

– А что ты хочешь? Ты сваливаешься как снег на голову, и думаешь, тебя с оркестром встречать будут? Конечно, капитану это не нравится! – она сделала ещё пару глотков своего странного напитка. – Ему и так немало трудов стоило сработать нас в команду, а ты даже курс подготовки к миссии не прошла!

– Что за гадость ты пьёшь? – меня передёрнуло от вида этой густой жижи, стекающей каплями по её стакану.

– Сбитень из шарая с полбой, – невозмутимо отхлебнула из стакана она. – Я же с Тургая. Водоросли самая естествен-

ная пища для меня. Хочешь попробовать?

– Нет уж, спасибо.

Надежда внешне была подчёркнуто спокойна и невозмутима, но длинные пальцы её нервно подрагивали.

– Я тебе не нравлюсь только потому, что меня прислали так неожиданно? – поинтересовалась я. – Потому что это не моя вина. Меня поставили перед фактом, что я лечу сюда и дали на сборы всего четыре часа.

– Четыре часа. А тебе самой не кажется странно, что тебя прислали сюда таким образом? Без подготовки, не дав даже собраться?

– Почему странно? Я же журналист. Для нас такое типично.

– Потому что это слишком опасно для тебя. И ты ставишь в опасность и всех нас, всю миссию.

Я перевела взгляд на массивный браслет биоконтроля на её руке. А она на мою тарелку.

– Это весь твой обед?

– Нет. Мне просто захотелось сладкого.

Она некоторое время молча наблюдала, как я расправляюсь с пастилой.

– Извини меня. Я не хотела тебя обидеть, – неожиданно сменила тон она. – Я бываю резкой. Я исправлюсь, обещаю.

– Да мне не привыкать, – пожала плечами я. – Журналистов никто не любит.

– Дара, ты только не вздумай выяснять отношения с капи-

таном, – она одарила меня неожиданно ласковым взглядом, светящимся почти материнской заботой. – Любит, ненавидит – это всё ерунда. Он занят важной работой, и сюрпризы от Генриха его точно не радуют. Не лезь к нему, просто делай то, зачем прилетела.

– Он не очень ладит с Генрихом? – догадалась я, припомнив реакцию капитана на упоминание этого имени. – В этом всё дело? В том, что меня прислал именно Генрих?

– Возможно, – равнодушно пожала плечами она, допивая свою жижу. – Поэтому, ты громкими именами зря козыряешь. Здесь это ни на кого не действует.

– И чем Генрих его обидел?

– Это ты у нас журналист. Я в чужие отношения не лезу. Ладно, у меня ещё куча работы, а конференция уже завтра.

– Какая конференция?

– Приходи в зал совещаний завтра после обеда – узнаешь.

– А мне можно?

Надежда удивлённо оглянулась на меня с порога:

– Уж не знаю, что ещё тебе можно, но это можно точно.

Я тоже могу заразиться?

Надежда тоже считает, что мне здесь быть опасно. А ведь меня никто даже не предупреждал о возможности заражения. Не могли же меня отправить сюда, если здесь действительно опасно? Да ещё и не предупредив. Или об этом было написано в том самом договоре? Нет, не может быть. Я же читала его. Быстро и не очень внимательно, но я бы обратила на это внимание.

Я вернулась к себе в каюту, и засела за изучение материалов по заразившимся на этой станции. Задача усложнялась тем, что отсюда у меня нет доступа к общим базам знаний, к социальным каналам, к каналам телевидения. Не привычно так работать, всё время натыкаешься на информацию, которую нужно перепроверить или дополнить, а взять дополнительную негде. За те два часа между сообщением, что корабль сюда уходит через четыре часа и моим выходом из дома, я успела в спешке сохранить себе не так уж много полезного: официальные досье, немного сплетен, подборки видеорепортажей и статей с упоминанием имён членов экипажа. И по случаям заражения информации у меня было слишком мало. Наверняка можно было бы раскопать ещё что-нибудь, будь у меня время на подготовку к этой поездке. Я развернулась к ЛИ 7.

– Я ведь могу воспользоваться информацией библиотеки

станции? – я с вызовом уставилась на моего надсмотрщика, словно мой взгляд мог смягчить приговор его программы. – Или сюда мне тоже доступ закрыт?

– У вас есть доступ к общим файлам. – Подтвердил ЛИ 7.

– Выведи на мой дисплей всё, что есть о тех семи заражённых.

ЛИ 7 пискнул и по моему дисплею побежал список файлов. Эта информация была более конкретна и более специфична, чем та, с которой я привыкла работать. Отчёты медиков, психологов, генетиков, переполненные мудрыми терминами и цифрами отчеты и анализы специалистов по энергетике, ментальному и эфирному анализу личности, спектральный и волновой срез и ещё куча, на мой взгляд, совершенно бесполезных и абсолютно не относящихся к делу исследований. Как этих несчастных только не изучали. Большую часть этих отчётов я даже понять не могла, словно они были написаны на инопланетянском языке. Первые полчаса я ещё честно требовала перевода значения каждого встречающегося термина. Мой лексикон пополнился парой десятков терминов, более похожих на ругательства, чем на слова. Потом я сдалась.

Вообще-то ситуация действительно странная. Потому что никакой связи между ними не прослеживалось. Это доступным мне языком было написано в отчёте каждого специалиста. Семь человек просто сошли с ума по необъяснённым до сих пор причинам. Перестали узнавать близких, потеря-

ли способность разговаривать и стали выделять со своим телом непонятные физические упражнения. Больше ничего общего между ними не было. Совершенно разные физиологические показания, изменения в гормональном фоне, спектрограммы и прочие показатели жизнедеятельности. У кого-то что-то ускорилося, у кого-то замедлилося, у кого-то и вовсе замерло. И накрыло их приступом внезапно в абсолютно не схожих местах и жизненных ситуациях. Они все заболели необъяснимо и непредсказуемо, мгновенно и невозвратимо.

Неужели доктор прав и я тоже могу заразиться? Нет, не может такого быть. Меня бы не прислали сюда, если бы это было опасно для меня. Меня бы не послали.

Я с благодарностью взглянула на ЛИ 7, когда мой надсмотрщик напомнил о времени ужина и прервал моё погружение в эту бездну отчаяния. Хоть какая-то польза от этой железяки.

Положительный герой, достойный небольшого романа

Я обрадовалась, застав в столовой доктора. Вот уж не думала, что буду радоваться встрече с ним, но сейчас мне необходимо было расспросить его о случаях заражения. Хотя, нет. Честно говоря, мне требовалось, что бы кто-то просто подтвердил, что я не могу заразиться, успокоил меня. А доктор мне этого точно не скажет. К тому же, он не один. Доктор разговаривал с очень щуплым коротко стриженным подростком. Я не сразу сообразила, что это и есть Грейдо. На всех фотографиях в своём досье он выглядел куда круче. Наверно, потому что на фото шевелюра у него была такая вызывающе взъерошенная. А здесь разочаровывающая уставная стрижка. И на фото не было видно, какой он на самом деле невысокий и худой. Нет, для него «худой» – это не достаточно точный термин. Гораздо точнее назвать его тощим доходягой. Готова поспорить, что если бы не плотный форменный комбинезон, на Грейдо можно было бы пересчитать все рёбра, все позвонки, и вообще неплохо изучить строение скелета. Как-то он тоже на героя не тянет. Я невольно вздохнула. Хотя, я и не планировала писать сказку о героическом операторе зондов.

– Да, я выгляжу гораздо компактнее, чем в досье на меня, – улыбнулся мне этот парень, заметив моё секундное за-

мешательство и этим вогнав меня в ещё большее. – Присоединяйтесь к нам, Дарирадость.

– О, простите мою невнимательность, – хлопнул себя по лбу доктор, – вы ещё не знакомы.

– Ну, можно считать, что заочно мы уже знакомы, – успокоил его Грейдо. – Я же не мог не полубопытничать насколько милую девушку так неожиданно пришлют украшать нашу кампанию.

– Это влияние общения с доктором или вы от природы так галантны? – я с удовольствием отметила, что действительно нравлюсь ему.

– Очень хотелось бы создать у вас впечатление, что я положительный герой, достойный небольшого романа, – улыбнулся он. – Если, конечно, ваш парень не сильно превосходит меня в весовой категории. Ну, или хотя бы не бьёт всех, кто рискнёт сказать его девушке, что она полностью оправдывает своё сказочное имя.

– Грейдо, – улыбнулась я, – если уж вы претендуете на положительного героя, может вы раскроете тайну, где вы достали это изумительное пирожное? Что-то я не наблюдала это излишество в меню.

– О! С удовольствием! – просиял он. – Надеюсь, это добавит мне веса в ваших глазах.

Я не смогла не рассмеяться. Ну, хоть кто-то здесь походит на живого человека. Как замечательно, что он здесь есть! Я уже думала, что я засохну от тоски среди этих зануд.

– Я же не только зонды взламывать умею, – заговорщицки подмигнул он мне и развернул к себе панель меню. – Вот если выбрать десерты и голосом заказать творожный бисквит, а при этом одновременно нажать на мусс из водорослей, наш официант получит сбой программы и выдаст вам именно это излишество. Это моя личная подпрограмма, при которой повар готовит по неизвестному ему рецепту и выдаёт несуществующее в меню пирожное.

– Волшебно! – я подарила ему полный искреннего восхищения взгляд и с удовольствием заметила как он смутился и покраснел. Значит, у него не так много опыта общения с девушками, как он хочет показать.

– Наслаждайтесь, – он подвинул ко мне блюдечко со свежесотворённым лакомством.

– Скажите уважаемый маг и волшебник, так можно любое излишество, отсутствующее в меню сотворить?

– Принимаю заказы на внесение сбоев в нашего шеф-повара, – с готовностью принял вызов Грейдо.

– А если капитан узнает?

– Ну, Дара, вы же ему не расскажите? – с наигранным испугом покосился на меня Грейдо.

– Ни за что! – пообещала я.

– Капитан об этом знает, – тихо трясась от смеха, вмешался в нашу игру доктор.

– Пабло! – возмутился парень, – вы только что разрушили мой образ бунтаря и негодяя! А девушкам всегда нравятся

бунтари и негодяи. Теперь моя счастливая личная жизнь под угрозой.

– А что за изменения внесены в ваш коммуникатор? Тоже что-то негодяйско-бунтарское? – я взглядом указала на его непрерывно перемигивающий всеми цветами радуги браслет.

– Нет, – Грейдо мельком взглянул на строчки сигналов, – к глубокому моему сожалению, это всего лишь отчёты сканеров, дройдов и прибывших зондов. О! И вызов от капитана. Прошу простить меня.

– Это так срочно, что капитан вам даже доест не даст? – это внезапное вмешательство капитана меня разозлило.

– Ну, раз как бунтарь и негодяй я провалился, попробую посоответствовать образу незаменимого и ответственного парня, – наверно, этим подаренным мне взглядом Грейдо попытался выразить страсть, но у него получился милый взгляд несчастного щеночка. – Я до сих пор разрываюсь между желанием послать всё к чертям и остаться с вами коротать этот изумительный вечер и необходимостью внести все исправления до завтрашней конференции. Ох уж этот вечно зовущий долг.

Он наигранно застонал и потрянул головой перед тем как исчезнуть в проёме двери, словно только так и мог оторвать от меня взгляд.

Доктор тихо хихикал.

– Он очарователен, – призналась я.

– Да, изумительный специалист. Его изобретательность просто ошеломляет, – признался доктор, и я с удивлением услышала эмоциональные нотки в его монотонном голосе. – Я безмерно рад, что капитан отстоял его участие в этой миссии.

– Отстоял Грейдо? Его что не хотели пускать сюда? Судя по досье, он просто мастер на все руки. Настоящий клад, а не специалист.

– Видите ли, юная леди, как вы могли заметить, у Грейдо наблюдается недостаток веса, что автоматически отбраковывает его от участия в подобных экспедициях. Он же не приглашённый эксперт, как, например, Поль. Он технический специалист.

– Ну и что? Какая разница?

– Ведь бывают ситуации, когда всех нас укладывают в антиперегрузочные капсулы, а персонал управления станции, как Грейдо, должны продолжать работать. Поэтому, на эти работы не берут тех, кто физически не выдержит допустимых перегрузок. Для таких сотрудников, конечно, разработано множество технических регламентов, антиперегрузочных, спасательных, декомпрессионных костюмов и прочей техники. И вся она рассчитана на определённые параметры физиологических характеристик человеческого организма. И Грейдо, к сожалению, не соответствует этим стандартам достаточно сильно.

– То есть, он просто не будет работать в случае внештат-

ных ситуаций?

– Будет, обязан, но в случае нештатных ситуаций, всё это спасательное оборудование может не подойти для организма Грейдо. Это большой риск для его жизни.

– Он может погибнуть? И Грейдо об этом знает?

– Конечно.

– Но... можно же оборудование перестроить... наверно.

– Да, у Грейдо золотые руки, – кивнул доктор. – И всё же, это дополнительный риск.

– То есть, капитан осознанно рискует жизнью Грейдо? Он вызвал его сюда, зная, что Грейдо может погибнуть?

– Ну, этого милого сорванца силком сюда никто не тащи, – доктор отставил опустевшую чашечку. – Насколько я знаю, Грейдо сам немало сил приложил, что бы уговорить капитана взять его сюда.

– Да, точно. В его досье это было, что ему всё время отказывали.

– Но за миссию в целом отвечает именно капитан. За любой сбой отвечать придётся именно ему. Поэтому я и прошу вас быть максимально осторожной и придерживаться наших правил.

И доктор принялся монотонно перечислять мне установленные на станции стандартные правила, продолжая запугивать меня последствиями нарушений. Я послушно кивала в такт его занудной лекции, раздумывая при этом о том, что с большим удовольствием продолжила бы сейчас общение

с Грейдо. И припоминая факты из его досье. Я еле дождалась момента, когда возможно стало тактично распрощаться и сбежать от доктора и его нотаций.

Но, к моему сожалению, общение с Грейдо пришлось отложить. ЛИ 7 сообщил, что он сейчас в шлюзе проверяет какую-то поднятую с планеты технику. Я сделала круг по станции в надежде найти живую душу. Всё заперто. Здесь все заняты работой. И мне везде вход запрещён. И связи с сетями нет. И никаких развлечений. Вот досада! Ненавижу это в миссиях! Я понимаю, что связь с отдалёнными неосвоенными планетами и спутниками не постоянная. Но как современному человеку выжить без постоянного доступа к информационным сетям? Я даже друзьям позвонить не могу!

Проверила расписание. Ну и скуотища тут. Никаких вечеринок, никаких совместных просмотров кинешек. Совещание, работа, конференция. Это весь выбор мероприятий. Скорее бы оперативники приехали, может с ними повеселее будет?

Браслет на моей руке ожил, заговорив голосом доктора.

– Дара, прошу прощения, что отвлекаю. У вас обнаружены антитела к песчаному бронхиту. Как давно вы переболели? В вашем досье нет ни какого упоминания об этом.

– Я не болела, доктор, болел мой брат. А я была с ним в контакте, но не заразилась, – успокоила его я. – Четыре года назад.

– А пищевой аллергии у вас не было? – не успокаивался доктор.

– Нет. Никогда.

– Значит, это реакция на тест, – доктор вздохнул. – Будьте добры, зайдите ко мне сейчас для контрольного теста. Вы уж простите меня за излишнее беспокойство, но это просто непростительная халатность присылать вас сюда без полной проверки. Неужели нельзя было потратить всего два с половиной часа на полное обследование? Это просто возмутительно!

Если бы у меня были эти два с половиной часа! Да я бы и курс подготовки прошла с удовольствием. И всё о миссии изучила бы заранее, обо всех участниках. И капитан не смотрел бы на меня как на вторжение собакоголовых. Но журналисты должны быть готовы к такой оперативности. И нечего такой шум поднимать из-за ваших бюрократических норм.

Все ли на станции люди?

Я вышла из лаборатории доктора с твёрдым убеждением, что вообще-то, он очень милый человек. Если, конечно, не провоцировать его на длинную нудную лекцию на неинтересные темы. Грейдо всё ещё занят. Кольцевая дорожка довела меня до лаборатории Надежды. Закрыто. Ну и ладно. Тогда, вернусь к себе и буду... О, кто-то идёт.

Я задрала голову на прозрачную стену зимнего сада, стараясь сквозь ветви растений увидеть источник шума. Но увидела кого-то, спешащего скрыться от моих глаз гораздо ближе ко мне, чем ожидала. Я опять не успела разглядеть его. Но неприятная дрожь пробежала по моему телу. Жуткое ощущение диспропорции, уродства. Это был не человек. Что-то очень неправильное было в этом... существе. Какое-то ощущение расплющенности, словно я видела его отражение в кривом зеркале. Но это не так! На этот раз стекла между нами не было. Да здесь и нет стекла, стандартное тепловое поле. Ничего не могло так преломлять его вид. И движения его были какие-то странные. Это не может быть человек! Просто не может! Кто это? На станции ведь нет инопланетян. Здесь все должны быть нормальными людьми. Что же это за существо?

– ЛИ 7! ЛИ 7, где ты?

Я в панике едва не налетела на него.

– Отвечай, все ли на борту станции люди?

– Да, Дара.

– Инопланетных форм жизни на станции нет?

– Все присутствующие сейчас на станции являются людьми.

– Может, сбегали зверюги, привезённые с планеты?

– Вопрос не понят.

– Из лабораторий могли сбежать какие-то животные?

– Нет.

– Откуда ты можешь знать? – разозлилась я, – если кто-то сбежал, то могли этого просто не заметить.

– Сейчас на борту нет биологически активных образцов фауны с планеты. Только ископаемые останки и фрагменты растительного происхождения.

– Сколько живых существ сейчас на борту станции? – не унималась я. – Ты можешь проверить информацию по камерам слежения?

– Да, шесть человек. Я могу сообщить местонахождение каждого.

– Шесть. Никого лишнего?

– Вопрос не понят.

– Я его видела! И это не человек! Не человек! Ты видел его?

– Вопрос не понят.

– Там был не человек! На станции есть инопланетная форма жизни!

– Информация не верна. Все находящиеся сейчас на станции являются людьми.

– Ты за сумасшедшую меня считаешь? – и я похолодела от собственных слов. – Сумасшедшая... Я с ума схожу.

– Вопрос не понят.

– Значит... значит у меня... у меня галлюцинации!

– Вопрос не понят.

– Я заражена! Я заражена!!!

Я бросилась бежать к лаборатории доктора.

Заперто! Проклятие. Я нажала на панель вызова.

– Доктор, Пабло, пустите меня! Мне нужно поговорить с вами. Пожалуйста, откройте!

– У вас нет права доступа в эту лабораторию, – догнал меня ЛИ 7.

– Да заткнись ты!

– Доктор в настоящее время находится в своей каюте, Дара, – Сообщил ЛИ 7. – Сейчас уже двадцать два часа двенадцать минут. Рабочий день закончен. Время отдыха.

– Ну, спасибо, – я в отчаянии ударила кулаком о дверь. – Веди меня к его каюте!

– Рекомендую отложить визит до более приемлемого времени.

– Это срочно! Показывай дорогу! – скомандовала я. – Может, я не доживу до приемлемого времени посещения.

ЛИ 7 послушался и повёл меня в жилой сектор станции.

– Доктор, доктор! – я сняла руку с кнопки коммуникатора

на его двери, запоздало сообразив, что продемонстрировать панику мне не следует. – Простите, что я так поздно. Не могли бы вы...

Дверь открылась. Доктор жестом пригласил меня войти. Судя по всему, он сейчас работал над своим курсом лекций.

– Простите, что я так поздно, – ещё раз повторила я, стараясь взять под контроль свои эмоции, – я хотела уточнить, а что будет, если вы обнаружите, что я заражена?

– Запрём в бокс, – безразлично ответил доктор. – Как и написано в вашем договоре.

– А какие симптомы заражения?

– Мы как раз это и выясняем.

– А могут галлюцинации быть симптомами?

– Галлюцинации? Он с интересом поднял на меня взгляд, – что именно вы видели, Дара?

Если я сейчас ему скажу, он точно меня в бокс упрячет. И меня будут годами изучать как лабораторную мышь. Это же неизлечимо.

– Не бойтесь, Дара. Вы абсолютно здоровы, – улыбнулся мне доктор. – Вы просто переутомились. Вам нужно поспать.

– Я видела силуэт странного существа, – не выдержала я, – сплющенного. Здесь на станции. И это не может быть человек.

– Так вот, что это за всплеск эмоций, – доктор проверил показания моего браслета на дисплее своей установки, и обернулся, внимательно всмотрелся в моё лицо и вновь доб-

родушно улыбнулся.

Вот с такой добродушной улыбкой он и сообщит сейчас мне, что я неизлечимо больна и буду изолирована в боксе.

– Дара, а вы обо всех членах нашей команды материалы изучили? – это насмешливое выражение и булькающее хихиканье, наверно, предел выражения эмоций для него. И от этого выглядит ещё угрожающе. – Не переживайте, с вами всё в порядке.

– Может ваш браслет не отслеживает эти признаки заражения? – упрямо возразила я.

– Вы ничем не заражены, – он вновь заговорил своим безэмоциональным голосом и это меня успокоило. – Я так подзреваю, что сейчас вам самое время поподробнее изучить дело Поля Тауронка.

– Поля Тауронка? Археолога? – я действительно ещё не читала его досье.

– Да, вам будет очень интересно, уверяю вас. Вы же с ним ещё не знакомы?

– Нет.

– Я бы не рекомендовал вам заниматься так поздно, но вам явно необходимо узнать про Поля и как можно скорее. И не переживайте. Вы здоровы.

Итак, археолог Поль Тауронка. Да, я не читала его дело. Ведь и так ясно, что он не годится в герои сказок. Что героического может быть в профессии археолога? Зачем вообще

изучать вымершую цивилизацию, с которой мы уже никогда не будем контактировать? И какая связь у археолога с галлюцинациями? Почему это доктор посоветовал мне прочесть его дело?

Я открыла файл Поля Тауронка и едва не села мимо кресла.

Карлик??? Он карлик??? Этого не может быть!!! Карликов больше не существует! Я листала его дело, выискивая фотографии и видеозаписи. Не может же он на самом деле так выглядеть? Это похоже на монтаж. Он не настоящий. Это же карнавальный костюм какой-то. Не может человек так выглядеть! Просто неудачный мультяшный персонаж. Что за розыгрыш?

ЛИ7 настойчиво напомнил мне про режим. Уже раз пять. Да, режим. Но я не могла остановиться сейчас. Пусть уже полночь. Я просматривала файлы дела Поля, и сдалась только поняв, что информация больше не укладывалась в моей голове. Завтра я изучу всё подробнее. А сейчас спать. Главное, что я не больна. И всё же, как он может быть карликом?

День третий

Я чудовище

Что за садистская программа в этом роботе? Сколько можно трезвонить? Да проснулась я уже, замолчи, наконец! Я уткнулась лицом в подушку и тут же подскочила. О! Точно! Я же хотела попасть на совещание!

– Спасибо, ЛИ7!

– Рад служить, – вежливо ответил мой железный надзиратель.

– Кстати, а не придумать ли тебе другое имя?

– Не понял вопрос.

– И не пытайся понять.

Я наскоро привела себя в порядок и почти бегом бросилась к столовой. О! Все в сборе! Чудесно! Застигла их, пока не позакрывались от меня. Удачное начало дня!

А потом я увидела его и застыла на месте. От такого не то, что аппетит сразу пропадёт. Я отвела взгляд и глубоко вздохнула, чтобы остановить позыв тошноты. Фотографии в его досье такой реакции у меня не вызывали. Там из-за таких диспропорций, он был мультяшной куклой, некачественным и неумелым шаржем, или злой шуткой художника. На фотографиях он не выглядел реально существующим. А здесь,

когда всё это шевелилось... Это кошмар какой-то! Не может быть, что бы он существовал на самом деле. Горбатый, с большой головой, с короткими маленькими ручками и ножками. Это была какая-то насмешка над человеком! Поль действительно был карликом. Отвратительным уродливым коротышкой с непропорциональными конечностями. Я с трудом справилась с позывами тошноты. Я, пожалуй, пропущу завтрак.

– Вот и Дара проснулась, – Надежда приветливо махнула мне рукой, – присоединяйся к нам!

Теперь поздно сбегать. Если бы я не замерла как соляной столб на пороге, я могла бы просто мимо пройти, но теперь меня заметили. Он сидит с ними за одним столом, и они все мило общаются. И никто из них не обращает внимания на то, что он на человека-то не очень похож. Не бывает людей такого размера и с такими... Отвратительно! Даже голова закружилась, словно у меня с глазами что-то и я вижу мир искажённым, смятым и деформированным.

Я выбрала место подальше от карлика, но теперь получалось, что я не могу отвернуться от него. Неудачно. У меня до сих пор холодок по спине бежит от его вида. Но хотя бы минула угроза, что меня стошнит при всех. От пиршества, пожалуй, всё же стоит воздержаться. Я очень старалась не пялиться на него, но это было очень не просто. Его неправильные, какие-то смятые жесты так и лезли в глаза.

– С капитаном и Пабло ты уже знакома, как я поняла, –

не замечая, или делая вид, что не заметила мою реакцию, весело продолжила Надежда, – а это Польша. Польша археолог. Вот кто тебя завалит сюжетами для сказок.

Я постаралась выдать из себя улыбку и тут же отвела глаза. Он весь какой-то нереальный, как искажённое отражение в кривом зеркале. Как он вообще может существовать? Я точно знаю, что при нашем развитии медицины такие... существа просто больше не могут рождаться! Откуда он тогда взялся? Я читала про существование карликов в прошлом, даже фотографии видела, но это всё было настолько далеко от моей жизни, что воспринималось как костюм сказочного злодея, как ожившая анимация, а сейчас... Он ужасен! Уродлив, сплюснут, кошмарен. И он рядом со мной. Карлик. Действительно карлик. Как он может существовать? В наше время такого просто быть не может! Но он есть.

– Наденька, вы всегда перехваливаете меня, – неожиданно глубоким бархатным голосом ответил Польша, на миг смущённо опустил глаза, а потом улыбнулся мне. – Я искренне рад, что вы украсите нашу компанию, Дара.

Я не смогла выдержать его взгляд и только кивнула в ответ. От его улыбки у меня вновь ком к горлу подкатил. Вчера, когда я рассматривала его фотографии, такой ужасной реакции они не вызывали. Да, это было странно и нелепо, но не тошнотворно же! А сейчас я еле-еле держу себя в руках, что бы не подскочить, и не выбежать из зала у всех на глазах.

– А это Грейдо, единственная наша связь с планетой до

прибытия оперативников, – продолжила представлять сидящих Надежда.

– Мы уже знакомы с повелителем зондов, – я искренне обрадовалась возможности отвлечься от самоедства и улыбнулась этому худощавому парню. А ведь действительно, он лет на десять меня старше, а выглядит как мальчишка. Наверно поэтому он и делает эту попытку отрастить бородку. Не очень успешно впрочем.

– О! Повелитель зондов! Мне нравится, – оценил он, оторвавшись от чашки с кофе. – Капитан, вам придётся внести эту должность в моё досье.

– Непременно, – пообещал капитан и обратился к Полю. Отвратительно гадко выглядит, когда всё это движется и пытается ещё и выглядеть человеком. Оно же... оно...

Стоп! Что я такое думаю? Мои ли это мысли? Как я могу так думать о человеке, пусть даже... таком? Я ли это?

Эта отрезвляющая мысль буквально парализовала меня. Он был уродлив, но гораздо ужаснее его вида для меня оказалась моя собственная реакция на его уродство. Я не ожидала этого, честно не ожидала. Я никогда не причисляла себя к чистильщикам, наоборот, я, как и большинство студентов, гордилась своей терпимостью к генетическому разнообразию людей. Я даже участвовала в акции протеста по поводу введения того скандального кариальского запрета на переселение не прошедших генетическую комиссию.

Я первый раз столкнулась с этим. И мне ужасно стыдно

за себя, за это чувство брезгливости, за отвращение, которое я к нему испытываю. За то, что никак не могу убедить себя, что он человек. За эти мысли и сравнения, которые лезут мне в голову. Какое-то странное раздвоение сознания. С одной стороны, я точно знаю, как правильно должна относиться к нему, у меня же есть убеждения. Но с другой стороны, моё тело, мои чувства, моя реакция предаёт меня, всё во мне восстает против присутствия рядом такой версии человека. И я никак не могу с этим справиться. Я не могу с пренебрежением относиться к нему из-за того, что он... что ему не повезло родиться таким. Этого не должно быть! Я не такая! У меня не может быть такой реакции! И у меня щёки горят. А все тактично делают вид, что не замечают это. И на этом спасибо. Я со стыда готова провалиться!

Ну, надо же! Капитан ему улыбается! Вот мне он ни разу не улыбнулся, а разговаривая с этим существом, даже рассмехался. Нет! Он не существо! Надо прекратить называть его так, даже мысленно! Он человек! Человек! Человек маленького роста. О! Да он ещё и шутит! Кстати, остроумно. И у него очень приятный мягкий голос.

Я старалась не смотреть в его сторону. И ужасно боялась, что кто-то заметит моё состояние. Браслет! Проклятый браслет! Он фиксирует моё состояние. Ну вот, придётся объясняться с доктором. Надо взять себя в руки. Надо отвлечься от него.

На секунду я встретилась взглядом с капитаном. Вот за-

сада, по мне же всё видно, всю мою гадскую реакцию.

– Я покину вас на шесть минут. Не расходитесь, – произнёс капитан, поднимаясь из-за стола, и глядя на браслет коммуникатора.

Я невольно перевела взгляд на свой браслет. Шкала тревожно мигала.

– Я пропала, – тихо вырвалось у меня вслед капитану.

– Что? – переспросила Надежда.

– Нет, нет. Ничего, – затрясла головой я, следя за дверью и ожидая возвращение капитана.

– Ему просто сообщение пришло, – Грейдо перехватил мой взгляд, и спокойно добавил, дожёвывая пончик. – А ты опоздала. Не делай так больше.

– Я исправлюсь, – ответила я словами Надежды. – Обещаю.

Знал бы Грейдо, какое сообщение ему пришло! Наверняка позорные показания моего браслета.

– О, девчонки уже спелись, – подытожил Грейдо.

Я всеми силами старалась не смотреть на Поля, но всё равно не могла не заметить, как Надя легко коснулась его руки, передавая ему что-то. И меня вновь невольно передёрнуло от отвращения. Проклятый браслет! Как же я ненавижу его сейчас! Шкала мигает. Ещё бы не мигала. Я никак не могу справиться с этим гадким чувством. Я старательно концентрировалась на разговоре Грейдо с доктором, но с трудом улавливала смысл в этом обмене любезностями.

– Есть новости, капитан?

Я вздрогнула. Капитан вернулся за стол и довольно улыбнулся.

– Антон возвращается. Послезавтра будет у нас.

Это сообщение вызвало просто ликование. И у меня, кстати, тоже. Наконец-то здесь люди появятся. Настоящие люди. Герои – оперативники. Хотя не так безжизненно будет. А то, компания у нас сейчас, прямо скажем, странная.

– Ещё неизвестно на сколько и кому будет открыто разрешение на спуск, поэтому, будьте максимально точны с заданиями оперативникам, – добавил капитан, и Поль с Надеждой дружно вздохнули.

О нет! Мне же только удалось забыть о его присутствии рядом и опять. Спазм брезгливости снова прокатились по моему телу. Не смотреть на него просто невозможно. Поль был передо мной как зеркало, отражающее моё душевное уродство. Я была противна самой себе. Я не ожидала такого от себя, честно не ожидала. Вот они все – настоящие люди. Сидят и мило общаются. И никто даже бровью не ведёт, видя как его непропорциональные маленькие ручки тянутся к винограду на общем блюде. Грейдо даже отломил пару ягод с этой самой ветки, которой только что касался... Не думать об этом. Я одна боюсь взгляд на него поднять. Я урод! Скорее бы это всё закончилось. Как медленно тянется время. Вот засада, ещё ведь совещание. Надо выдержать. Мне надо здесь быть. Это же моя работа. Так, сосредоточиться.

Завтрак как-то сам собой перетёк в совещание. Как только со стола исчезла опустевшая посуда, капитан вызвал объёмную проекцию дисплея прямо посреди стола и стал обсуждать задачи на день. На первый взгляд, задачи были не связанные и противоречащие друг другу, но как-то весь этот хаос в итоге связался в чёткий план работы. Мне тяжело было вникать в суть их разговоров. Все мои силы уходили на контроль моей отвратительной реакции на присутствие карл... человека с особенностями строения. Я боялась смотреть на Поля, или встретится с кем-то взглядом и выдать свою реакцию на него. И никак не могла понять, почему я так реагирую на него. Этого не должно было быть. Просто не должно. Игнорировать его присутствие не было никакой возможности, потому что он тоже активно участвовал во всех обсуждениях. И это вновь скидывало меня в пропасть внутреннего самоедства и попыток убедить себя, что он человек.

Как сквозь какую-то пелену, я только следила как быстро и чётко они обсуждают вопросы, выносят решения, переходят к следующему вопросу. Просто фиксировала их действия. Вот они проанализировали данные спутников о погоде в регионах планеты, распределили с Грейдо порядок и очерёдность заданий для зондов. Мне очень понравилось, что Грейдо задаёт зондам сразу несколько различных заданий, например, от Надежды и от Поля, если регион исследований совпадает. Грейдо рассчитал время возвращения зон-

дов и все стали распределять свои задачи на день, согласуя, когда смогут помочь друг другу. Пабло взялся сделать для Поля какой-то химический анализ. Для Поля. Не думать об этом.

Грейдо пообещал капитану проверить новую самоходную установку, которая прилетела вместе со мной. Надежда сказала, что по найденному Полем захоронению успеет сделать полный анализ к обеду, к конференции. Не думать об этом.

Доктор тут же napросился к ней после совещания, посоветоваться о характере повреждений. Капитан обсуждает с Полем состояние силовой установки. Все абсолютно нормально общаются с ним. Что со мной не так? Почему я такое чудовище? Спокойно. Не думать об этом.

Как слаженно они работают. И всё это быстро, конкретно. Они действительно работают как единая сплочённая команда. И мне вдруг так захотелось в этот момент быть частью этой команды.

Я смогу, я сумею подружиться со всеми. Вот такой я и буду описывать настоящую команду в моих сказках! Это восхитительно. Но как только всё закончилось, я поняла, что в ужасе от перспективы остаться с Полем наедине, когда все разойдутся. А он так приветливо сейчас улыбался мне, что явно намекало, что он не против пообщаться. И я струсила. Откровенно струсила и стала судорожно искать причину уйти с кем-нибудь. Словно я так и планировала. Это было глупо, я осознавала это. Мне вовсе не надо отчитываться пе-

ред кем-нибудь, почему я просто решила уйти. Эта причина нужна была только мне самой. И я судорожно искала её. Мне надо было как-то отсюда сбежать, что бы не оставаться здесь с этим... с Полем. И лучшим вариантом был...

– Грейдо, а можно посмотреть, как ты работаешь?

– Ты извини, я бы с радостью, но... но прямо сейчас никак. Мне надо подготовить всё к конференции. На мне вся связь. И ещё зонды и отчеты зондов. И всем всё нужно срочно, к конференции.

Я уже пожалела, что окликнула его. Он не искал отговорок, глаза его быстро метались, он судорожно искал другой вариант. И нашёл.

– Давай позже, после конференции? О, проклятие! У меня ещё наземка потом. Давай за ужином встретимся? В семь вечера пойдёт?

– Хорошо, – вынуждена была согласиться я.

– Отлично! – он довольно улыбнулся и даже подмигнул мне, прежде чем исчезнуть в дверях.

Я обернулась и заметила, каким насмешливым взглядом проводила его Надежда. Потом она перевела взгляд на меня, и, отведя глаза, покачала головой. Проклятье! Она подумала, что я ему свидание назначила! Со стороны это, наверно, так и выглядело. О, необъятный космос, только этого мне не хватало!

– Наденька, я сейчас, – окликнул уходящую Надежду доктор.

Я невольно взглянула на него и поймала на себе взгляд капитана. Впрочем, он лишь мельком взглянул на меня, тут же вернувшись к изучению чего-то, что показывал ему на ручном дисплее очень довольный доктор.

О, нет! Что, поймали меня с поличным, да? Ведь доктор наверняка капитану мои показания сейчас показывал. Проклятье!

Я выскочила из зала. Надежда оглянулась, насмешливо взглянув на меня.

– Это не то, что ты подумала! – огрызнулась я.

– А откуда ты знаешь, что я подумала? – усмехнулась она, остановившись.

– Я просто хочу узнать больше о его работе.

– Да почему бы и нет? – с улыбкой пожала плечами Надежда. – Он хороший парень.

Я обречённо вздохнула и обиженно уставилась на неё. Ну вот, сначала она злилась на меня за мое внезапное появление здесь, теперь будет дразнить из-за несуществующего романа с Грейдо. Просто чудесно!

– Один день на станции, а уже такие результаты! – наигранно восхищённо подразнила она меня. – А ты молодец!

Она пошла дальше.

– Дара, вы молодец, – по-отечески приобнял меня за плечи подошедший сзади доктор.

– Что? – я уставилась на его крайне довольное лицо.

– Вы молодец. Удивили меня. Честное слово, я не ожи-

дал, – он, наконец, заметил выражение крайней растерянности на моём лице и продолжил. – С вашего позволения, я сейчас должен проконсультироваться с Надеждой, а потом я прошу вас зайти ко мне.

Он пошёл за ожидающей его Надеждой, оставив меня в полном недоумении. Это он пошутил так что ли? При отсутствии привычных интонаций в его голосе было совершенно невозможно понять сарказм это, насмешка или искренняя правда. Удивительно, как при таком безжизненном голосе, у доктора может быть такая живая мимика. Словно его лицо и голос принадлежат двум разным людям.

Доктор успел сделать всего несколько шагов до того, как я поняла, что судя по приближающемуся голосу, Поль вот-вот окажется рядом со мной. Страх оказаться с ним наедине, подстегнул меня броситься за доктором.

– А можно я с вами?

– Да, конечно. Идёмте, Дара.

Поющие цветы

В лаборатории Надежды я почувствовала себя в безопасности. Я не поняла, что доктор сказал ей про меня, но это её явно удивило. Главное, она перестала доканывать меня насмешливыми взглядами.

– Нет. Это не от растений следы, – Надежда оторвалась от объёмных снимков, развернутых доктором.

– А вот здесь? – Пабло повернул голограмму и выделил какое-то место на снимке, – Поль утверждает, что при раскопках повреждений не было.

– Это точно техногенный след, – уверенно ответила Надежда. – И видно, что он старый, но, скорее всего, сделан при жизни объекта. Кремниевые структуры в этой атмосфере разрушаются не так быстро, но этому отверстию, наверно, лет восемь, не меньше. Я могу определить точнее, когда образец ткани будет на борту.

– Наденька, это действительно важно, – доктор Пабло склонился над увеличенными снимками повреждений. – Если эти следы оставили не растения, то мы фактически сможем выявить причины гибели этих несчастных.

– Я уверена в этом, – подтвердила Надежда. – Это абсолютно прямые линии, таких просто не бывает в не техногенном мире. Вот рядом – это следы растений. И край этого шрама – это тоже уже растения постарались. Но такие от-

верстия растения сделать не могли. Это простреляно, скорее всего, лучевым оружием. Вот это рядом, видите, разъедено, и сетка мелких изгибов. Это следы растений. И кремниевая кость стала губчатой структуры, потому что разъедена соком растений. А эти края спеклись, и сок их не разъел.

– Благодарю вас, вы у нас настоящий криминалист, – улыбнулся доктор и лицо его, не в пример его пустому голосу, выразило восхищение. – Я вот теперь жалею, что влияние атмосферы на разложение тканей не учитывал.

– Вы просто с нашими экологами мало общались, – вздохнула Надежда, они из кого угодно криминалиста сделают.

– Что же, милые дамы, я должен поговорить об этом с капитаном, – доктор явно был очень взволнован этим разговором.

Я с удивлением следила с какой серьёзностью они исследуют эту ерунду.

– Дара, я жду вас в одиннадцать, – вспомнил обо мне доктор и заспешил к дверям.

И моё любопытство победило.

– А что в этом интересного? Артрачи застрелили кого-то из своих, – мой вопрос остановил его уже в дверях. – Мы же не в первый раз с этим сталкиваемся. У них же постоянные межклановые войны.

– Видите ли, юная леди, – доктор оторвался от снимков, – Артрачи отрицают своё присутствие на этой планете.

– Ну, не у нас одних были пиратствующие особи.

– Похоже, вы правы. Что же, мне надо успеть подготовить свою часть доклада к конференции. Ах да, и капитан. Надо поговорить с капитаном. Это важно, – доктор засуетился и исчез в дверях.

– А почему ты уверена, что это растения? – я посмотрела на снимки. – Вполне сойдёт и за отпечатки зубов.

– Здесь нет хищников, – возразила Надежда. – Совсем. Вот такая уникальная экосистема. Абсолютно отсутствуют хищники. Падальщики и те только растения.

– Растения – падальщики?

– Да. Вот они, – Надежда показала мне ампулу с еле заметной голубоватой пылью, – это местный падальщик номер один.

– Это пыль?

– Споры растения. Любая павшая зверюшка уже через полтора часа покрывается вот таким налётом. А потом на ней остальные растения – падальщики селятся. И перерабатывают её.

– А похоже на мех, – я рассмотрела объёмный снимок, – просто серо-коричневая щёрстка.

– Да, похоже. Поэтому никто и не потрудился взять пробы и выяснить, что это растение.

– И в этом уникальность планеты? – с сомнением уточнила я.

– Конечно! – с неожиданным от неё вдохновением ответила Надежда. – Представляешь, на этой планете никто нико-

го не убивает, даже ради пропитания, даже больных и ослабленных. И паразитов нет. Все связи симбиотические. Просто поразительно, что при таких райских условиях видовое разнообразие такое незначительное.

Я с удивлением посмотрела на неё. Похоже, это действительно её вдохновляло. Она склонилась над экраном и, судя по интонации, тихо выругалась. Вот в этом она вся. Только что светилась восторгом, а через секунду уже недовольна и раздражена. До чего же истеричная натура! Сложно с ней, и всё же, мне очень не хотелось уходить. Или мне просто не хотелось случайно столкнуться с этим карликом? Надежда словно прочла мои мысли.

– Ты сейчас занята? Можешь помочь мне с отчетами? Мне надо успеть к сегодняшней конференции.

– С удовольствием. А что надо делать?

– Вот эту кучу аудиофайлов сопоставить со снимками по частоте звуков. Комп не видит соответствия и отказывается делать это сам. А Грейдо сейчас лучше не отвлекать из-за этой ерунды. Обычно он мне помогал с подпрограммами. Придётся вручную разбирать.

– Ясно. А что это за узоры? – я уставилась на её странную таблицу с крестиками и звёздочками, обозначающими разные частоты звуков.

– Это цветы Пареруса.

– Которые из них?

– Все. У этого растения цветы проходят 36 стадий разви-

тия. Сначала из почки открывается цветок из четырёх широких лепестков. Потом лепестки сворачиваются в трубочки, и цветок становится похож на крестик. Потом трубочки поочередно лопаются каждая на две и закручиваются в стороны. В итоге получается восемь трубочек. Потом лепестки ненадолго разворачиваются в вот этот красивый цветок. А потом опять сворачиваются в трубочки и опять начинают делаться на две трубочки. Получается в итоге уже шестнадцать лепестков. Они опять разворачиваются, потом опять сворачиваются, опять делятся. В итоге получается пышный цветок из тридцати двух лепестков, потом лепестки опять сворачиваются в трубочки, и получается такой ёжик. Потом трубочки опадают и остаётся плод с семенем.

– Красивый, особенно здесь, – я вгляделась в непривычное строение цветка, – на розу немного похож.

– Немного, – подтвердила Надежда, – у розы лепестки по спирали растут, по закону золотого сечения. А здесь как-то всё уж слишком симметрично и математически правильно. Я даже пробовала найти в них соответствие с фигурами Хладни.

– С чем? Хладни? Это же что-то про акустику?

– Верно, – улыбнулась Надежда. – И дело в том, что именно эти растения кричат.

– В каком смысле кричат?

– В прямом. Они издают тонкий свист. И звук меняется на более высокий, одновременно с изменением стадии цве-

тения. Как и в фигурах Хладни с изменением частоты звука частички вырисовывают всё более сложные фигуры. Но прямого соответствия не получается. Поэтому ты сейчас и разбираешь их вручную.

– О! Так это звуки этих цветочков?

– Да. Представляешь, за тридцать лет исследований планеты растениями практически не занимались.

– Может, это не так важно, раз на это внимания не обращали?

– Растения важный элемент экосистемы. Не изучив их, мы ничего в экологии не поймём.

– Надежда, а что толку для человечества от этих поющих цветочков? Они не съедобны, не дадут нам волокна для одежды.

– Мы собираемся колонизировать эту планету. Нам необходимо изучить, как не нанести ей вред.

– И ты собираешься рассказывать об этом на конференции?

– Конечно. Это важное открытие.

Я невольно хихикнула, и Надежда заметила мою скептическую реакцию на её «важную работу».

– Зря смеёшься. Это растение играет ключевую роль во всей экосистемме планеты. К его ритмам разве что увилги привязаны не были.

– И поэтому они вымерли, – добавила я.

– Не факт, но вполне рабочая версия, – спокойно и невоз-

мутимо продолжила она. – Увилги выпали из равновесия экосистеммы планеты и вымерли. Почему бы и нет?

– Готово!

– Прекрасно! Ты спасла меня от растерзания кучей трусливых экологов.

– Почему трусливых?

– Потому что, как видишь, ни один из них не решился сам прилететь сюда, – Надежда доделала свою часть работы и вздохнула. – Ну, всё, я в спортзал. Надо скинуть напряжение, перед тем как выслушивать нелепые замечания светил науки. А не то я опять нагрублю им.

– Хороший метод, – поддержала я. – Слушай, раз будет связь, я же смогу отправить сообщение моему парню?

– Ты бы договор почитала перед тем, как подписывать, – усмехнулась Надежда.

– Там точно не было про то, что я не имею права переписываться с внешним миром.

– Зато там есть расписание сеансов связи. У столь затяжной работы миссии есть и приятные стороны. За это время наладили постоянную связь с большим миром. Сеансы почти каждый день.

– О! Это здорово! – мне так не терпелось пожаловаться на мою нелёгкую жизнь здесь, что я едва не сбежала не попросившись. – Так можно мне на конференции поприсутствовать?

– Конечно. Если обещаешь громко не храпеть, когда

уснёшь от скуки.

Возможно, я и правда рискую уснуть там от скуки. В конце концов, что нового можно открыть на планете, которую и так уже изучают тридцать лет? К тому же, я про эту планету и так всё прекрасно знаю. Мой парень и его друзья так увлечённо изучали всё, что касалось этих чужих спутников, что я невольно втянулась в эту затею. Даже тешила себя надеждой расшифровать их сигналы раньше Генки. А уж он на шифровании просто помешан.

Это глупо, но я боюсь встретиться с ним

Я знаю, что это единственная планета, где выжили увилги. Остальные прежде населённые ими планеты были уничтожены и превращены в пояса астероидов. Я знаю, что увилги были агрессивны к другим цивилизациям и с ними никто не поддерживал контактов. Я знаю, что эта планета геологически стабильна и следов масштабных катаклизмов на ней не зафиксировано. Что непонятно почему прежде могучая цивилизация увилгов просто тихо вымерла здесь без всяких внешних причин. Что от них остались руины больших городов и масштабных построек вроде гигантских плотин и каналов. Что флора и фауна здесь не очень богата разнообразием и давно переписана и пересчитана. И что эта планета так и кричит: «заселите меня!». Если бы здесь не сходили с ума люди, то давно бы уже и заселили. А теперь приходится

продолжать изучать причины заражения, вымирания увилгов и поющие цветочки. Так что, с этой частью подготовки к моему заданию мне повезло. А вот о команде и целях миссии я ничего изучить до отлета не успела. Интересно, если бы я была готова к тому, что Поль окажется карликом, мне было бы легче это вынести?

Я вышла на кольцо и остановилась в нерешительности.

– ЛИ 7, а ты можешь мне сказать, где сейчас Поль? – острожно поинтересовалась я.

– Поль Тауронка в своей лаборатории, – отозвался мой надсмотрщик. – У вас нет доступа в эту лабораторию. Рекомендую вам сделать предупредительный звонок перед визитом.

– Визитом?!? Ты сдурел что ли?

– Не понял вопроса.

– Ладно, путь свободен, – и я направилась к своей каюте по противоположной от лаборатории Поля стороне кольца.

Это глупо, я знаю, что это глупо. Но я боюсь встретиться с ним. Потому что я не понимаю, что со мной твориться, когда я вижу его. Не должно со мной такого происходить.

Экран в моей каюте приветливо сообщил о наличии почты для меня. Я тут же бросилась открывать мои личные файлы. Вот это да! С пакетом почты для станции струнным импульсом уже пришло сообщение для меня. О! Это от моего парня. Надо было всё же прочитать договор. Я с нетерпением открыла сообщение.

«Привет, радость моя! Как тебя встретили твои супер-герои? Твой Тром»

На самом деле моего парня зовут Трофим. И мне нравится это имя. Но Тром злиться, когда я его называю полным именем. Он предпочитает, что бы его звали Тромом. Имеет полное право, учитывая, что я со своим именем тоже намучилась. Как он раньше меня узнал, что можно написать мне? Я думала устроить ему сюрприз. Но с ним всегда так, он вечно помнит какие-то ненужные мелочи вроде расписания, и поэтому его трудно чём-то удивить. Я улыбнулась и надиктовала ответ:

«Привет, Тромушка. У меня всё хорошо, но... вообще-то нет. Они все редкостные зануды. Капитан ко мне придирается и жутко не доволен, что я свалилась на его голову. Всем своим видом, каждой фразой демонстрирует, что я здесь лишняя. Мне закрыли допуск в лаборатории, в зал управления, да фактически везде, кроме общих кают. И поставили надзирателя. Теперь эта железка диктует мне, когда подъем и завтрак, куда мне можно, а куда нельзя. Я его уже ненавижу. И как журналист, я ненавижу закрытые двери, ты же знаешь».

Я остановилась, задумавшись, стоит ли написать ему об угрозе заражения. Но решила, что не буду пугать его. О Поле и речи быть не может. Это точно. Мне даже самой себе стыдно признаться в такой реакции, не то, что Тром. Ни за что не расскажу ему!

Я ещё раз перечитала письмо и, дописав «*скупаю по тебе, твоя Дара*», поставила на отправку во время следующего сеанса связи. Вот, пусть не думает, что я здесь как на курорте. Это он через восемь дней на практику улетает на хорошо освоенную планету с развитой инфраструктурой и бело-снежно песчаными пляжами. А я над планетой пятого уровня опасности.

Вот теперь у меня есть немного времени досе дочитать. До назначенного визита к доктору ещё сорок минут. Только не про Поля. Я невольно передёрнула плечами. Грейдо! Вот про кого. У меня же за ужином встреча с ним. Я вспомнила, как он подмигнул мне уходя. Он же не мог подумать, что это будет свидание? Надежда меня совсем запутала!

Итак... Ого, да он практически гений. И с такими показателями мастерства его четыре раза забраковали при поступлении в училище Сил Быстрого Реагирования? Подумаешь, вес не набрал, зато он любую технику во что угодно превратить может. А он упорный, четыре раза пробовал поступить. А от административной работы при училище отказался. Мечты о дальних путешествиях манили? Так это его первая миссия? Интересно. Капитан умница, такого специалиста нашёл. О, на Грейдо записаны обязанности обоих специалистов по связи. Временно совмещает. Конечно, как же, временно. Один за двоих работает.

ЛИ 7 оторвал меня от этого увлекательного чтения и на-

помнил о визите к доктору. Конечно, я зачиталась и уже забыла о нём. Если бы эта железяка не раздражала меня, твердя без конца «у вас нет права доступа», цены бы ей не было.

Вы прекрасно контролируете себя, Дара

Я глубоко вздохнула, собирая в кулак всю свою волю, прежде чем нажала на вызов к доктору. Нет смысла откладывать этот позор. Он всё равно мою реакцию видел и сейчас мне за это выскажет. Да ещё, небось, и капитану доложил. Проклятье, я и так как идиотка капитана именем Генриха дразнила, так ещё и с Полем опозорилась.

– Проходите Дара, – доктор отвлёкся от своих записей и принялся снимать показания с моего браслета. – Так. Хорошо. Прекрасно.

– Что прекрасно? – не выдержала я.

– У вас высокий уровень эмоциональной реакции, это хорошо для писателя, повышенная чувствительность к миру.

– Не все мои эмоции меня радуют, – буркнула я.

– Вы о Поле? – спокойно уточнил доктор. – Не пугайтесь, Дара. Вы выросли в мире, где уровень медицины уже давно позволяет исключить малейшую возможность рождения больного ребёнка, или ребёнка с любым генетическим отклонением. А любые травмы у взрослых легко исправляются. Вы живёте в мире красивых здоровых людей. Вам же никогда не приходилось видеть увечий или хотя бы шрамов на

человеческом теле? Так ведь? А Поль, он настолько ломает привычную для вас картину мира, что просто выбил вас из себя. Это нормально, не пугайтесь. У вас, кстати, достаточно спокойная реакция, по сравнению с другими. Вы прекрасно контролируете себя, Дара.

– Я контролирую? Да меня едва не стошнило! – напряжение от ожидания порицания буквально взорвалось во мне после его похвалы.

– Дара, мы все проходили подготовку к миссии, тренировки по созданию команды, – спокойно продолжил заниматься изучением каких-то графиков доктор. – И даже после этого, некоторые испытывают большие трудности в общении с Полем. Для вас это и вовсе было шоком. Поверьте мне, у вас очень достойная реакция. И капитана вы тоже этим приятно удивили.

– Капитана? Так вы ему про мою реакцию на Поля после совещания докладывали?

– Да, – спокойно кивнул доктор. – Я обязан держать его в курсе обо всех угрожающих ситуациях.

– И чем моя реакция угрожает?

– Напротив, вы сняли наши опасения о ваших возможных конфликтах с Полем.

Конфликтов? Да я всеми силами стараюсь избегать встречи с ним. Я опять так и не смогла понять, серьёзен доктор или шутит. В глазах его светились озорные искорки, но насмешка это была или он просто был очень доволен, я понять

не смогла.

– Но это не правильно! Я не должна была так реагировать на Поля, – стала объяснять я. – Я никогда не поддерживала идеи генетических чисток.

– И напрасно, – так же спокойно и без эмоций ответил доктор, продолжая что-то проверять и настраивать в показаниях моего браслета. – Вам следует изучить эту тему глубже. Посмотрите информацию о населении контролируемых пиратами дальних спутниках. До какого состояния выродилось там население. Беспорядочные связи с множеством партнёров, сексуальное насилие, непонятно от кого рождённые дети, болезни, уродства. Комиссия по генетической чистоте сделала очень важную, хоть и неблагодарную работу для вас, Дара. Она сохранила от полного вырождения человечество как вид.

– Получается, как бы не противно это было признавать, – уточнила я, – но окружающие меня красивые здоровые люди – это результат той отвратительной работы генетических чистильщиков, которую мы все так презираем?

– Да, – кивнул головой доктор. – Это их жестокие методы предотвращения вырождения людей как вида, избавили нас от лицемерия сотен тысяч, таких как Поль или ещё хуже.

– Но как он родился таким? Должны же были ему внести необходимые изменения в генетику на ранних стадиях беременности. Почему он такой?

– Неблагоприятное стечение обстоятельств, – безжизнен-

но ответил доктор. – Увы, так случается. Вот и всё. Благодарю вас за визит. А теперь, с вашего позволения, я продолжу свой отчёт к конференции. И вы не переживайте из-за реакции вашего организма на Поля. Это скоро пройдёт.

– Да, конечно, – я облегчённо вздохнула, покидая его лабораторию, – благодарю вас.

Ладно. Не всё так безнадежно. И не такой уж я и монстр, оказывается, как думала о себе. И мне, без сомнения, удастся справиться с собой. Потому что через пару часов мне опять выпадет испытание быть в одном зале с Полем. Он же точно будет выступать на конференции. И у меня прекрасно контролируемая реакция на него. По крайней мере, по словам доктора. И мне очень хотелось бы в это верить. Но я мгновенно шмыгнула в первый попавшийся коридор, когда услышала шелест открывающейся двери лаборатории. Какое мерзкое противное чувство – страх. Сердце колотится как бешенное. Нет! Я не буду прятаться!

Я развернулась и решительно шагнула в коридор, по которому шла до этого. Робот ввозил какое-то оборудование в лабораторию Поля. Он стоял ко мне спиной. Но я всё равно вздрогнула, увидев, что это именно он. Я прошла мимо, выдавив из себя вымученное подобие улыбки в его сторону. Он приветливо улыбнулся в ответ. Ну, не всё так уж ужасно. Я могу с этим справиться. Слишком много переживаний для одного утра. Мне нужно отдохнуть. Или наоборот. Са-

мое время опробовать местный бассейн.

Скучно – не научные споры

ЛИ 7 выбрал время напомнить мне о начале конференции, именно в тот момент, когда я поднесла чашку горячего шоколада ко рту. И кто после этого скажет, что он не нарочно издевается? Я, на ходу дожёвывая печенье, пошла к залу конференции.

– Дара, у вас нет допуска на проход здесь, – вежливо осведомил меня мой надзиратель.

– Что?!? У тебя сбой программы? Это же просто коридор!

– Допуск закрыт из-за....

– Да я час назад здесь ходила! Как это допуск закрыт?

– ...проведения сканирования состояния стены ангара для планетарной техники, – договорил ЛИ 7. – Коридор заблокирован до 12-56.

– Зачем им понадобилось сканировать состояние стены?

– Не располагаю информацией. Приказ капитана, – ответил ЛИ 7.

– Что-то они перебарщивают с безопасностью. И особенно перебарщивают с выдумыванием запретов для меня!

Пришлось идти в обход, и к началу конференции я опоздала. Ну, если честно, скорее из-за второй чашки шоколада опоздала, но это не важно. Я тихо проскользнула в зал и пристроилась на диване сбоку, что бы никому не мешать. Ну, и

что бы Польш оказался за Надеждой, и мне его почти не было видно. Капитан, доктор, Польш, Надежда, Грейдо. Все в сборе.

Ого! Это какой мощности они струну держат, если сразу человек двадцать к обсуждению подключили? Я пробежала глазами по подписям под голограммами участников. Все восемнадцать ведущих научных центров объединили! Не знала, что здесь такой размах исследований!

– ...если эти растения растут локально, то мне не понятен ваш вывод и их возможности звуком управлять миграцией животных, – проговорил один из двух десятков участников конференции с дисплея. – Мы знаем множество примеров, когда животные просто знают ареалы произрастания и сроки созревания.

Надежда нетерпеливо заёрзала в кресле, выжидая, когда профессор договорит.

– Вы меня не поняли, – ответила она. – Они растут повсеместно. Но созревают локациями. Это чёткие геометрические круги, метров по восемнадцать – тридцать в диаметре, внутри которых все растения созревают разом. Они-то и издают этот звук. А те же самые растения, растущие совсем рядом, но за пределами круга, останавливаются в росте. Те, что очень близко к границе круга, даже сворачиваются. Я вам сейчас снимки покажу. Видите, их даже не съели, просто вытоптали.

Я посмотрела на заинтересованное лицо профессора, увлечённо рассматривающего какие-то снимки с кругами.

Какая ерунда! Это столько людей отвлекают от нужных дел, что бы заниматься изучением каких-то там растений? Кому это надо? Эти растения для нас всё равно не пригодны. К будущей колонизации планеты это никакого отношения не имеет. Не удивительно, что Надежде столько времени не давали разрешение на работу здесь. Предыдущие экспедиции вообще без изучения цветочков обошлись и ничего. Вот чужие спутники – это действительно интересно.

– Вам обязательно нужно произвести замеры, Надежда, – неприятно подвизгивающим голосом произнёс ухоженный брюнет.

– Благодарю за доверие, но мне и своей работы хватает, – Надежда явно злилась на него.

– Я добьюсь, что бы вам открыли разрешение на использование моей лаборатории... – как ни в чём не бывало, продолжил сноб.

– Метью, я не буду вскрывать вашу лабораторию. Мне и своей достаточно.

– Но вы не сможете получить нужные результаты на вашем оборудовании, – усмехнулся сноб.

– Кому нужные? – уточнила Надежда. – Они нужны вам. Вот прилетайте и добивайтесь их сами. Ваша лаборатория была доставлена сюда добавочным рейсом, вне расписания, а вы просто трусили, Метью. И я не буду делать вашу работу!

– Надежда, мы делаем общее дело... – попытался выкрутиться сноб.

– Не мы, а я. А вы отсиживаетесь у себя в особняке и мешаете мне выполнять мою работу! – решительно заявила Надежда.

– Коллеги, давайте вернёмся к теме обсуждения, – вмешался седой старичок.

– Я и не жалею, что отказался. Работать в таких условиях! При таком отношении... – возмутился сноб.

– Вот именно! – оборвала его Надежда. – Такое отношение к работе и работой назвать нельзя.

– Коллеги, пожалуйста, держите себя... – старичок обратился к кому-то рядом с ним, – что с камерой Метью Стимса? А! То есть, он сам отключился? Ну, хорошо. Меньше споров. Коллеги, давайте вернёмся к теме обсуждения. Надежда, вы привели достаточно полные данные для доказательства вашей гипотезы. И я согласен с вами, измерением искажения акустических параметров в условиях планеты должны заниматься не вы. Коллеги, кто может порекомендовать замену Метью Стимсу?

Это даже не научный спор с массой заумных непонятных терминов, это банальное выяснение отношений. Ещё несколько минут я упорно пыталась следить за сутью их споров. После эмоционального обмена упреками с Метью, возвращение к нудному обсуждению деталей цветения, пищания и вытаптывания цветочков казались ещё зануднее. Надежда права, это всё ужасно скучно. Я честно пыталась вникнуть в суть их рассуждений, пытаюсь понять, что интересно-

го они в этом нашли. Подумаешь, цветочки пищат. С растениями и не такое бывает.

Сигнал моего браслета прервал меня на третьем, старательно скрываемом от взоров голограмм, зевке. И сразу взбудрил меня лучше любого ледяного душа. На моём браслете мигал какой-то сигнал, и я замерла в напряжении. Что это? Биосканер нашёл у меня что-то опасное? Я с тревогой перевела взгляд на браслет. Фу, ты! Сообщение. Просто сообщение. Сообщение? Уведомление, что мне пришло письмо по лучу. Наверно, ответ от Трома!

Я, как можно меньше привлекая к себе внимание, выскользнула из зала и быстро пошла к своей каюте. Я же не обязана выслушивать эти разборки учёных мужей? А то, что эти конференции просто трата времени, я уже и так поняла. Конечно, я бы могла и прямо через браслет письмо открыть, но мне этого не хотелось. Я хочу написать ответ, а так он попадет в общую сеть, и при желании, его могут вскрыть. Поверьте человеку с опытом в таких проделках. А личная переписка всё-таки более защищена от любопытных глаз. Так что, лучше вернуться в мою каюту.

– У вас нет допуска на проход здесь, – напомнил мне ЛИ 7.

– Проклятье! Совсем забыла, – я резко развернулась к другому проходу и в раздражении пригрозила спешащему за мной надзирателю. – А ты прекрати говорить мне эту фразу! Ненавижу запреты!

– Не понял распоряжение, – признался робот.

– Я журналист! А закрытые двери – это сокрытие информации от общественности. Ну, обычно это так бывает.

Да, как я и надеялась, меня ждало сообщение от Трома. Выходит, он получил мой ответ в сеанс связи во время этой конференции и сразу ответил. Хоть какая-то польза от неё.

"Какой серии твой надзиратель? Напиши его номер полностью, со всеми странными буквами. Попробую найти к нему подход. Рад, что тебе без меня плохо. А то я уже начал было ревновать тебя ко всем этим героям. Твой Тром"

Я написала ответ и на секунду задумалась перед отправкой. Я ведь хотела защитить мою переписку от посторонних глаз только по одной причине. Мне стыдно было бы, если бы моя исповедь Тромму о реакции на Поля попала бы кому-то на глаза. Но сейчас я поняла, что и Тромму в этом признаться не могу. Не могу рассказать про мою, шокирующую меня саму, реакцию на его уродство. Что он подумает обо мне? Выходит, не такая уж я стойкая в своих убеждениях? Или с моими убеждениями что-то не так, если моё тело противиться этому? Нет, я не напишу об этом Тромму. Даже после объяснений доктора, реабилитировавшим меня в моих собственных глазах, всё равно я не могу в этом сознаться. Это слишком позорно. Тем более, что это Тром мечтал попасть сюда, а удача выпала мне.

Не понимаю, как этот визгливый Метью мог отказаться от такой возможности. Он же ученый! А здесь уникальный,

неизведанный мир, переполненный тайнами. Это же как раз шанс внести что-то новое в науку...

Неприятный холодок пробежал по моей спине. Я, наконец, отчетливо поняла почему здесь так мало исследователей. И почему штат не укомплектован сотрудниками. И почему здесь все эти не распакованные лаборатории! Вот почему этот Метью отказывается лететь сюда. Он боится. Они все боятся. Боятся заразиться. Значит, это действительно опасно? Но ведь, меня бы не прислали сюда... я ведь просто студентка... Нет, меня бы точно не отправили сюда, если бы это было опасно.

О, необъятный космос. Мне надо вернуться на конференцию. Там же все те, кто отказался сюда лететь! Надо было послушать их оправдания. И для сюжетов сказок очень бы пригодилось. Пойду, всё-таки послушаю, как прославленные умы отлынивают от работы здесь. Нет, это не может быть так опасно, если мне, обычной студентке без подготовки для работы в опасных условиях, разрешили прилететь сюда. И всё же, надо их послушать. И да, я медлю с возвращением, именно потому, что боюсь моей мерзкой реакции на Поля. Надо это признать. И надо как-то с этим справиться.

Я на секунду задержалась перед обзорным иллюминатором. Подо мной медленно вращалась загадочная планета, которую они сейчас обсуждали. Яркая, зелёно – оранжевая, и казавшаяся из-за этого такой тёплой и приветливой. Я раз-

глядела четыре из восемнадцати чужих спутников. Вот что изучать надо! А они все глупостями какими-то занимаются! Круги цветения, кричащие растения, кому это надо? Какое отношение это имеет к разгадке чужих технологий, к освоению этой планеты? Дурдом какой-то! Влиятельные именитые люди тратят время на личные распри и выяснение отношений! Так и двадцать миссий ничего не добьются. Скорее бы оперативники прилетели. Вот кто по-настоящему работает. А не эти болтуны лабораторные.

Доктор устало и безэмоционально спорил с кем-то, естественно о вирусах. Надежда следила за их спором, но видно было, что эта тема её совсем не трогает. Капитан в отличие от Надежды, очень внимательно следил за спором учёных, периодически делая какие-то пометки на своём браслете.

Я постаралась сесть так, что бы не видеть Поля. То есть, так, что бы он оказался у меня за спиной.

– Вы мне это уже говорили, Сергей Анатольевич, – монотонно ответил доктор. – Но цель этого эксперимента – проверить, как штампы вирусов отреагируют на схожие структуры местных видов в планетарных условиях. Вступят ли они во взаимодействие. Как вы помните, подобные опыты на станции не дали результатов. Но там исключено влияние целого ряда факторов, которые могут в корне изменить результаты.

– Но в случае, если будет принято решение заселять планету, атмосферные установки изменят условия, – возразил

ему тип с водянистыми выцветшими глазами. – Я считаю бессмысленно проводить эксперименты без этой поправки на атмосферные данные.

– До решения о заселении ещё далеко, – возразил доктор Пабло. – Эксперимент проводится в целях выявления возможных причин заражения. Вы не присутствовали на прошлой конференции, профессор. А мы тогда выдвинули гипотезу, что это привычные нам безвредные микроорганизмы, вирусы, даже кишечные бактерии, носителями которых большинство является, могли дать подобную мутацию в условиях планеты.

– Да я читал ваши отчёты, – кивнул его оппонент.

– По сути человек – это разумная колония огромного множества одноклеточных и бесклеточных. Все известные виды бактерий, живущих в человеке, мы проверили, и ни один вид не показал ни малейшей реакции на планетарные условия ВЗМ. Но что-то же послужило причиной этих сумасшествий? И сейчас мы проверяем как реагируют на условия планеты не только вирусы и бактерии, но даже антитела к перенесённым заболеваниям.

– Я понял, доктор. Благодарю, – прервал его оппонент и откинулся в кресле назад, очевидно, обдумывая услышанное.

– Коллеги, если у кого-то появились ещё какие-то гипотезы о причине заболеваний, – монотонно предложил доктор Пабло, – прошу вас поделиться с нами.

Повисла тишина.

– Я всё же хотел бы получить файлы по нулевой реакции на антитела, если можно, – вновь оживился оппонент доктора Пабло.

– Профессор Прим, вы можете запросить у Пабло Берцони недостающие вам данные позже, – остановил его ведущий конференцию. – Прошу вас соблюдать регламент. А сейчас я передаю слово Полю Тауронка.

Её собрали искусственно?

Я с удивлением заметила, как капитан сразу развернулся в сторону Поля и с нескрываемым интересом стал ожидать его слов. Надежда тоже улыбается. Я едва сдержалась, что бы не обернуться и не взглянуть на него самой. Но это слишком рискованно с моей-то реакцией.

– Хочу напомнить присутствующим, Поль ранее выдвинул гипотезу о том, что разумный вид был переселён на эту планету и привёл ряд доказательств, что он не мог возникнуть здесь в ходе эволюции. Однако, Совет Миров эту версию не подтвердил. По летописям Совета, которым, как вы знаете, не один десяток миллионов лет, этот разумный вид населял несколько планет в этой системе, в том числе и эту ещё до прихода в этот сектор Фторигахцев. А значит, они коренной вид этой планеты. Поль, передаю вам слово.

Я перевела взгляд на капитана и Надежду. Так вот чему

они улыбаются. Поль поклонник идеи искусственного заселения планет созданиями Великого Творца, якобы выдуманного и сотворившего всё сущее.

– Приветствую вас, коллеги. И благодарю за интерес, проявленный к моим изысканиям, – мягкий бархатный голос, так не соответствовавший его внешности, полился за моей спиной. – Я благодарю за информацию, которую вам удалось получить от Совета Миров. Я прекрасно осведомлён с какой неохотой они предоставляют нам эти знания. Но всё же, я останусь верен моим умозаключениям.

Как было верно замечено на нашей прошлой встрече, нет никаких следов глобальных катаклизмов или катастроф на этой планете, из-за которых местное население могло так массово погибнуть. Даже хищников нет. И, тем не менее, жители поселений достаточно быстро деградируют и численность населения постоянно падает, пока они не вымирают полностью. Да, это очень похоже на эпидемию. Но тогда не очень понятно, как она затянулась почти на пять тысяч лет и при этом, этот вид так и не смог адаптироваться, не смог выработать антитела. Вирус это или нечто другое, но я считаю, что это говорит о том, что они не являются неотъемлемой и незаменимой частью этой системы. Они здесь чужаки. И за время их проживания здесь, они так и не стали частью этой экосистемы. Напомню, что и Надежда только что отмечала, что увилги не реагировали на зов цветущего Пареруса. И это тоже косвенно подтверждает версию их непричастно-

сти к этой экосистеме.

На прошлой нашей встрече, я обещал вам представить доказательства того, что так называемые «города», не могли быть заселены в результате обычных переселений части населения на новое место. Я предоставил вам доказательства того, что все города были построены одновременно и по технологиям, неиспользуемым более никогда местным населением после постройки этих объектов. Теперь хочу ознакомить вас с картой распространения городов по планете и подробной структурой местности.

Обратите внимание, как равномерно раскиданы города по поверхности планеты. Почти с математической точностью нанесены как узлы сети. Как происходит расселение естественным путём? Группа отделяется и идет искать наиболее пригодное для проживания место. Или как здесь – вымеряет идеальное пересечение линий сетки между уже построенными городами?

По-моему, этому есть только одно объяснение. Увилги переселились на эту планету массово и одновременно. Несколько миллионов особей были перевезены на эту планету и заселены в построенные для этого города. Судя по карте размещения городов, с таким расчетом, что через несколько лет они заселят всю планету. И уровень технологических возможностей увилгов на тот период был поразительно высок. В эти два города, например, просто невозможно попасть без использования летательных аппаратов. И заселяли их,

вероятно, тоже с учётом продолжения использования летающей техники. Но её мы не обнаружили.

Увилги не смогли сохранить прежний уровень своей цивилизации. Судя по всему, потери, вызвавшие необходимость переселения увилгов на эту планету, были слишком велики и отбросили их цивилизацию в развитии назад. Они не только не смогли поддерживать прежний уровень, но и достаточно быстро деградировали.

– Картина действительно складывается странная, – прозвучал голос ведущего, заставив меня вздрогнуть и оторваться от созерцания проекции планеты с уж слишком правильной сеткой городов, – но давайте не забывать о фактах. В конце концов, мы не знаем логики мышления местного вида. Они вовсе не обязательно должны следовать логике расселения других видов. А факты говорят, что этот вид населял эту планету, и не только эту.

– Эдвард, я могу добавить, что они населяли не конкретно эту, а планету, которая находилась на этой или близкой к этой орбите, – продолжил мягкий голос Поля. – И возможно, наблюдатели Союза Миров не заметили, что это уже совсем не та планета.

Повисла тишина. До меня медленно доходил смысл высказывания Поля. В каком это смысле «не конкретно эту, а планету, которая находилась на этой или близкой к этой орбите»? Что он хочет этим сказать?

– Поль, – недоверчиво улыбнулся ведущий, – не хотите же

вы сказать, что планету подменили? Это же не алмаз в самом деле, что бы менять планету на подделку.

– Самани Бува, вы говорили, что не можете найти объяснения геологическим аномалиям этой планеты, – вместо ответа обратился Поль к голограмме смуглой женщины. – Что эти породы просто не могли образоваться рядом, да ещё и со столь идеально ровным стыком.

– Да, верно, – кивнула она. – И вы правы, мы действительно не обратили внимание на подобные факты в отчетах геологов предыдущих миссий. А они есть. Коллеги, Поль прислал мне ссылки на ещё шесть подобных аномалий, зафиксированных геологами на этой планете. У меня по прежнему нет объяснения такому соседству пород, которые должны были образовываться при несопоставимо разном давлении и температурах. И опять таки, в трёх их этих случаев обращено внимание на ровный стык. В четвёртом я вижу его сама.

– У меня есть этому объяснение, – мягко вмешался Поль. – Эта планета собрана искусственно из осколков взорванных планет. Поэтому, и соседство пород столь парадоксальное, и стыки столь идеально обработаны.

Вновь повисло молчание. Не одна я была ошарашена таким предположением. На лицах всех этих учёных была отражена растерянность. Интересно, для него это миг триумфа? Я обернулась. Ой! Я и забыла, как он выглядит. Загипнотизированная его голосом и этими невероятными фактами, я совсем забыла, что надо контролировать мою реакцию

на него. Хорошо, что сейчас мой организм ничего не учудил. Я быстро отвернулась и с нетерпением ждала продолжения. А я ещё раздумывала, стоит ли возвращаться на конференцию. Вот это поворот! Поля только что сказал, что эта планета искусственно собрана из кусков взорванных планет? Я не ослышалась? Да говорите же вы уже хоть кто-нибудь!

– Я считаю, что в ходе той войны увилги потеряли все планеты, на которых жили, – полился из-за моей спины мягкий голос Поля. – Поэтому собрали эту из осколков планет и переселили сюда остатки выжившего населения. Нам известно, что они были технологически развитой космической цивилизацией, что заселяли несколько планет. И моя версия этому не противоречит. И она многое объясняет, в том числе эти геологические аномалии.

– Вы считаете ВЗМ искусственно собранной планетой? – уточнил ведущий.

Он прямо с губ у меня вопрос снял! Ещё пол стука сердца и я сама бы вмешалась в их обсуждение. Нет, конечно, в наше время строят гигантские станции, и искусственные спутники с садами, озерами и прочей реконструкцией живой природы. Но я точно знаю, в чём разница между живой планетой и рукотворным аналогом: само воспроизводимость и само восстанавливаемость экосферы. На искусственных спутниках, без постоянного вмешательства человека, никакие леса и моря долго существовать не могут. Их надо поддерживать, обслуживать, чинить. А здесь целая планета со

всеми этими кричащими цветочками и мигрирующими стадами полосатиков! И всё это прекрасно продолжает кричать и мигрировать не смотря на то, что увилги давно вымерли. Это не может быть искусственно созданная планета!

– То есть, по-вашему, увилги после полного разгрома их в той войне, наспех собрали себе планетку и переселили сюда выжившее население? – уточнил полноватый профессор. – Они могли стоять планеты? У Совета Миров нет никаких сведений об... или Совет скрывает это от нас? Не мог же Совет упустить такой факт? Нет, давайте выясним это!

– Я принял ваше предложение и непременно уточню эту информацию у Совета, – кивнул ведущий.

– Позвольте, я вернусь к моей гипотезе об искусственном происхождении планеты, – прозвучал завораживающе бархатный голос Поля совсем рядом с моим плечом. – Да, я считаю, что планета была собрана из осколков других космических объектов, что вполне допустимо, учитывая три пояса астероидов на орбитах, где по расчётам должны были быть планеты. А так же, учитывая, что в галактический войне эта система попала в самый эпицентр столкновения.

Я не рискнула посмотреть на Поля, хотя сейчас я отчаянно нуждалась в оценке его мимики, жестов, всего, что могло бы мне подсказать, насколько он серьёзно излагает эту фантастическую версию. Вместо этого, я подняла глаза на капитана. Он сосредоточенно слушал Поля, и на лице его не отразилось ни тени улыбки. И лица голограмм тоже не выражали

ни капли удивления от этой потрясающей версии. Они что, действительно думают, что кто-то просто собрал эту планету из кусков астероидов? Планету с целостной экосистемой, атмосферой, всеми этими морями и вулканами? Серьёзно? Вот это да! Я не зря вернулась на конференцию!

Мягкий голос Поля из-за моего плеча продолжал излагать свою сказочную версию:

– По изучению геологического состава исследования продолжатся, как только вернутся наши оперативники. Вы в курсе, что, к сожалению, мы вынуждены были прервать планетарные работы. Сейчас я могу только высказать ещё одну гипотезу. Строения носят следы неоднократного восстановления, поэтому я не сразу пришёл к этому выводу. Я считаю, что изначальные строения, так же как плиты с надписями созданы из одного материала. И этот же материал использовался для скрепления, или если хотите, склеивания осколков космических тел в эту планету. Это только первые данные зондов и они, безусловно, нуждаются в проверке. И я планирую проверить эту версию, как только мне будет открыт спуск на планету.

– Уважаемый коллега, вы уже говорили, что установить время создания и изначальный вид строений практически невозможно, из-за следов неоднократных перестроек, – уточнил ведущий. – Так почему сейчас вы считаете, что сможете доказать, из чего изначально построены города?

– Спасибо за вопрос, Эдвард, – вежливо ответил Поль из-

за моего плеча. – Дело в том, что за эту неделю нам удалось обнаружить ещё два города, полностью похороненных под слоями почвы. Как раз благодаря четкой сетке размещения городов. Мы просто вычислили, что они должны быть в этих местах. И есть надежда, что, так как эти города не стали восстанавливать, то возможно, они сохранили большую часть своих изначальных характеристик. Как вы знаете, сам материал имеет свойства самовосстанавливаться, что само по себе уже крайне интересно. Память формы у каменных плит, это ещё объяснимо, но как может восстанавливаться объём и структура вещества? Пока мы имеем только ряд очень спорных гипотез. А ответ здесь, в этих руинах.

Один объект находится в зоне разлива русла реки и завален, предположительно илом и песком около трех тысяч лет назад. Второй объект на шельфе северо-восточной отмели малого континента. Затоплен в результате медленного опускания шельфа. Я большие надежды возлагаю на первый объект. И лагерь для дальнейших исследований там уже подготовлен. Сейчас, к сожалению, у меня нет права на спуск и приходится довольствоваться результатами планетарной автоматики. Этого, как вы понимаете, недостаточно.

– Поль, шахты в районе подтопления – это слишком опасно. Я бы не рекомендовал вам.

– Я думаю, шахты бурить не понадобятся, Эдвард, – успокоил его Поль. – Как вы знаете, шахты уже есть в самой структуре города. Во всех обнаруженных, по крайней мере,

они были, и я имею смелость предполагать, что это типичная застройка для таких объектов. А верхние пласты наносных пород я рассчитываю поднять установкой контроля периметра.

– Не собираетесь же вы работать под висящими над головой тоннами камней? – не выдержал какой-то лысый толстяк.

– Мне надо только Крома туда запустить, – пояснил Поль. – Я же не сам в шахту буду спускаться.

– И всё же, это довольно опасный проект.

– Служба безопасности уже одобрила правильность расчётов. Дело только за разрешением на спуск.

Поль говорил, и фантастическая картина его исследований так увлекла меня, что я совсем забыла, какой он. Его мягкий голос нарисовал в моей голове образ крепкого брюнета с мягкими щенячьими карими глазами и копной взъерошенных каштановых кудрей. И я поверила, что человек, говорящий из-за моего плеча так и выглядит. Это было бы так естественно. Умный, интересный, со столь смелыми идеями, что его собеседники слушают его едва ли не с открытыми ртами. И капитан развернулся в его сторону и с нескрываемым удовольствием следит за его докладом. И Надежда гордо улыбается, довольная успехом её коллеги. Если идея Поля подтвердится, эта миссия взорвёт новостные каналы. Это же прорыв в технологиях! Миссия будет более чем успешна.

– Ваша гипотеза, безусловно, очень неожиданна и интерес-

на, но я считаю такой риск неоправданным, – неуверенно покачал головой ведущий. – Такие раскопки требуются дополнительные технические мощности. Уверен, центр даст вам добро на увеличение масштаба работ. А предложенная вами технология слишком рискованна.

– Если эта вылазка докажет мою гипотезу о едином веществе в основании зданий и плит, я буду настаивать на расширении работ, но пока считаю это необоснованными тратами ресурсов. Для начала мне нужны только образцы материала изначальных построек. Это будет шанс узнать точнее время создания этих поселений, этих надписей и спутников, – возразил мягкий голос Поля. – А значит, и узнать о цивилизации, обладающей такими способностями.

– Полю, в прошлый раз вы ошарашили нас заявлением, что найденная здесь цивилизация не оставила после себя никакой техники, а теперь утверждаете, что они смогли себе планету из кусков склеить? – вновь вмешался полноватый профессор. – Что-то здесь не сходится.

– Согласен, – ответил Полю, – меня это тоже озадачило. Но, возможно, их техника была столь отлична от всего привычного нам, что, даже натыкаясь на её остатки, мы не опознаём её как остатки техники.

– Или это была даже не техника, а необычные способности их вида, – предположила пожилая женщина из института биологии. – Возможно, они умели летать. Я говорю не о наличии крыльев, а о левитации.

– Но Союз не располагает данными о каких-либо супер-способностях увилгов, – возразил полноватый профессор. – Или это они тоже скрывают?

– Давайте отложим обсуждение политики предоставления информации Советом Миров, – остановил возмущающегося коллегу ведущий.

Я с удовольствием следила, как меняются выражения лиц собеседников Поля от его всё более и более фантастических выводов, и так увлеклась этим спором, что почти машинально обернулась посмотреть на его реакцию на очередной вопрос.

– Знает об этом Совет или нет, но на этой планете увилги определённо города строили не с помощью кирки и лопаты, – Поль наклонил голову на бок, что бы его короткие ручки смогли поправить прядь упавших на лоб кудрей.

Я сразу же отвернулась, но жестокая реальность уже ворвалась и растерзала невесть откуда взявшийся привлекательный образ другого Поля в моей голове. Мне стало нехорошо. А ещё хуже мне стало от того, что я только сейчас сообразила, что ещё двадцать пар глаз с самых разных уголков большого мира сейчас могли заметить мою реакцию. Я, стараясь не поднимать глаз на голограммы участников, осторожно выбралась из зала.

Свежие глаза и уши

Я остановилась у обзорного окна. Проклятье! Ну почему он такой? Это не честно! Он же потрясающий учёный! Он просто не может помещаться в это тельце! И что у меня за реакция опять? Подумаешь, ручки короткие! Сбежала как идиотка! Они такие вещи интересные там обсуждают, а меня передёргивает от его маленьких ручек. О! Проклятый браслет! Мне ещё и с доктором об этом объясняться!

Прославленные учёные и тридцать лет не могут установить причины заражения. А я из-за них вынуждена этот здоровенный браслет на руке таскать и объяснять, почему меня опять трясло или давление прыгнуло.

Прекрасная зелёно-оранжевая планета крутилась у моих ног. Такая целостная, ничем не отличающаяся от множества других планет. Невероятно, как вообще ему могла прийти мысль, что она искусственно созданная. Неужели это правда? Интересный он человек. Ну, как учёный, конечно. Надежда не зря сказала, что он может завалить меня идеями сказок. Искусственно собранная планета – мне такое бы в голову не пришло.

Что это? Аплодисменты? Неужели? Они что, конференции аплодисментами заканчивают?

Я заглянула в зал. Голограммы погасли, но капитан, доктор, Надя и Поль продолжали что-то горячо обсуждать. Я ед-

ва успела развернуться, как Грейдо поймал меня за локоть.

– Ой! Откуда ты взялся?

– Пошли. Хватит здесь скучать.

– Куда? – опешила я.

– В зал, – недоумённо уставился на меня Грейдо. – Ты же туда собиралась?

– Так конференция закончилась.

– Вот именно! Теперь самое интересное будет, – тоном заговорщика сообщил он. – Подведение итогов и корректировка планов работ. Заходи, не ломайся.

Он буквально втолкнул меня в зал перед собой, да ещё и привлёк к этому всеобщее внимание, с порога радостно сообщив.

– А вот и мы – свежие уши и глаза.

– Дара? – обернулась Надежда. – Заходи. Может, ты со свежей головой нам новую идею подскажешь.

– Я? – если она хотела удивить меня, то её удалось.

И тут я натолкнулась на взгляд капитана. И хоть это было всего мгновение, это заставило меня усомниться, что он рад моему возвращению в зал.

– Иногда глубокая специализация мешает поиску нестандартных решений, – глубокомысленно произнёс Пабло. – Мышление, так сказать, зашоривается. Трудно увидеть новые пути, если есть уже хорошо известные.

– И чем я могу помочь? – я решительно присоединилась к ним и невольно вздрогнула, когда заметила рядом Поля. За

спинкой дивана его, да ещё и нагнувшегося над какими-то своими вычислениями, совсем не было видно. У меня по спине пробежал неприятный холодок от его вида, но отступить было поздно.

– Свежей идеей, – устало потеряла виски Надежда, сделав вид, что ничего не заметила. – Можно даже нелогичной, фантастической, сказочной. В этом-то ты специалист?

– И про что ваша сказка? – я с готовностью приняла вызов.

– Про причины безумия, которым заразились люди на этой планете. А то наши консультанты зашли в тупик. Ни одной новой версии.

– Ого! – я даже отпрянула назад от серьёзности обсуждаемого ими вопроса. Одно дело про оружие цветочки рассуждать, и совсем другое о потерявших рассудок несчастных отважных исследователях этой опасной планеты.

– Никаких видимых причин такого изменения нет, – стал вводить меня в курс дела Пабло. – Патологических или хоть каких-либо новообразований нет. Это не отравление газом или любым другим веществом. Никаких поражений ни внешних, ни внутренних органов. Никаких сбоев иммунной системы. Никаких изменений в нервной системе и мозге, за исключением одного. Некоторые отделы мозга, например, отвечающий за речь, просто больше не задействуются. Они не повреждены, нет. Пациенты просто теперь их не используют в своей жизнедеятельности. Зато, возросла нагрузка на сектора, отвечающие за рефлексy.

– То есть, они перестали быть людьми? – уточнила я. – Как будто в них кто-то вселился?

– Эту версию тоже уже проверяли, – кивнул доктор. – Но, нет, у всех оказалось только один центр сознания. Никаких раздвоений личности.

Доктор вывел на экран какие-то снимки мозга, спектрограммы и прочую научную атрибутику.

– Я бы сказал, в них стёрли личность, – добавил капитан.

– Но тогда должны были бы доминировать животные инстинкты, – не согласилась Надежда. – А они ведут себя иррационально. Иногда даже сами себе травмы наносят.

Я старательно вглядывалась в снимки не торопясь признаваться, что мне они ничего не говорят.

– Есть чёткие изменения в психическом поведении, – продолжила Надежда. – Они все перестали осознавать себя людьми. Они ведут себя как животные. Не узнают родных. Не умеют пользоваться элементарными вещами: ложкой, стаканчиком, туалетом, одеждой. Такое нельзя просто взять и забыть. Даже при потере памяти, элементарные навыки сохраняются или быстро восстанавливаются. А здесь нет. И произошли эти изменения с пострадавшими, судя по статистике, практически мгновенно. Что-то случилось и щёлк, человек мгновенно провалился в это состояние.

– Я думала, это вирус, – призналась я. – Почему-то в репортажах всегда ссылались на возможный вирус.

– Я до сих пор не исключаю эту версию, – признался док-

тор, – хотя ни один известный вирус так не действует. И нет никаких следов поражения.

– Значит, это вирус, не оставляющий следов?

– Вирус – это тоже живой организм, – покачал головой доктор. – Он оставляет после себя следы жизнедеятельности. А здесь никаких следов нет. Совершенно. Мы уже рассматривали вариант быстрой ликвидации вируса. Но никаких следов хоть какой-то реакции организма на любое инородное тело нет. Ни у пострадавших, ни у их коллег. Мы даже не смогли выявить ничего связывающего все эти моменты внезапного приступа. Ничего общего.

– Стерли личность... так это облучением делают. Электромагнитные волны разрушают связи в мозгу.

– Ни у одного пострадавшего ни вируса, ни чужеродных бактерий, ни следов излучений не обнаружено, – покачала головой Надежда. – Нейронные связи не повреждены. Они просто больше не задействуются.

– А крики твоих растений не могли так сказаться?

– Нет, они совпадают с ежедневно окружающими нас звуками. Мы эту версию проверяли. Они для нас точно не опасны.

– Вы видите это? – вдруг спросил Поль. – Мы все мыслим избитыми стереотипами. Перебираем все известные нам варианты. Но космос – это безграничное количество новых возможностей. И решение обычно находится за пределами привычного нам мировоззрения.

– Поэтому нам просто необходима сказочница, – бодро поддержал его Грейдо.

– Ну, – я развела плечами, – если ВЗМ действительно искусственно созданная планета, то это может быть действие древнего проклятия. Могли же эти древние предки наложить проклятие и защитить своих спасённых и переселённых увилгов от повторного вторжения чужаков? Ну, как вариант.

– Вы с Дарой друг друга стоите, – улыбнулся Пабло, – твоя версия про искусственную планету мне кажется не менее сказочной, чем версия Дары про проклятие.

Меня даже передёрнуло от того, что доктор сравнил меня с Полем. Хотя, он, конечно, не хотел меня оскорбить. Он просто про наши фантазии говорил, и всё же, мне не по себе стало от одного упоминания моего имени в связке с этим карликом. Я невольно посмотрела на Поля и с некоторым облегчением заметила, что перенесла это непродуманное действие без особого ущерба для моего эмоционального состояния.

– Но тогда всё равно должен быть какой-то спусковой механизм срабатывания этого, так сказать, проклятия, – задумчиво начал развивать эту тему доктор.

– Да, – кивнул Грейдо, – не всех же поражает это проклятие. Даже не всех ступивших на планету. Или есть какая-то очерёдность? Например, поражают каждого третьего? Хотя, нет, не третьего. Сейчас я проверю.

Грейдо на полном серьёзе стал высчитывать что-то на

браслете.

Я слегка растерялась от того как серьёзно они восприняли мою выдумку.

– Может, что-то общее в генетическом коде? – живо предложила Надежда.

– Что-то пересекающееся с генетикой природных врагов увилгов? – поддержал капитан.

– Нет, у нас с увилгами нет ни одного общего гена, – покачала головой Надежда. – Хотя, мы же не знаем, кто были враги увилгов. Может с ними совпадения у нас есть. Я проверю схожие гены у заражённых.

– Дара, ещё есть версии? – спросил меня доктор.

– Может, это не гены? – меня забавляло с каким серьёзным видом они обсуждали эту нелепую идею, это действительно было захватывающе и остановиться было трудно. – Может, мы нарушили какой-то древний закон? Осквернили святыню ненароком.

– Это, кстати, согласуется с версией Поля о надписях на плитах, – заметил капитан.

– А что это за надписи? – я поздно сообразила, что это вопрос к Полю и мне придётся развернуться к нему, что бы услышать ответ.

– Я считаю, что надписи, выбитые на каменных плитах, это свод правил или запретов, – мягко ответил Поль, – возможно, регламентирующий жизнь увилгов.

Я так и не смогла заставить себя поднять на него глаза,

поэтому только кивала в такт его словам, глядя в пол и делая вид, что обдумываю эту версию.

– И эта склизкая рыба из института экологии систем так и будет спорить, что это просто орнамент, – вздохнула Надежда.

– Несмотря на скептическое отношение к моей версии профессора Эдигейла, которое он неоднократно высказывал, я всё же продолжаю думать, что на этих камнях выбит именно свод правил, – мягко, но настойчиво повторил Польш. – Или, если вам будет угодно, свод заповедей для обитателей этих поселений. А значит, за нарушение этих законов может, и даже должно быть предусмотрено какое-то наказание. Вполне правомерно, что Дара пришла к этой же версии. И не называйте, пожалуйста, профессора рыбой. Я теперь как только его вижу, сразу вспоминаю о его рыбьих чертах.

Надежда и Грейдо одновременно прыснули от смеха.

– Тогда мы в тупике, пока не удастся расшифровать надписи, – подытожил капитан, прерывая их веселье.

– Я, к великому моему сожалению, не слишком сильно продвинулся в моих переводах, – вздохнул Польш. – И мои коллеги тоже пока не смогли расшифровать эти надписи. Поэтому, от меня пока помощи мало. Но, если эти надписи могут быть действительно связаны с этими несчастными, важность их расшифровки безмерно возрастает. Я приложу все силы для раскрытия этой тайны.

– Давайте вернемся к версии нарушения запрета. И какое преступление могли совершить сотрудники предыдущих миссий? – спросила Надежда. – За что на них могло обрушиться проклятие? – и она обратилась ко мне.

– Не знаю, – я пожалала плечами, – но это должно быть какое-то серьёзное преступление. С их точки зрения. Наступили на бабочку или произнесли запрещённое сочетание звуков. А оказалось, что на местном наречии – это хула на какого-то бога.

– Согласен, возможно, наши сотрудники даже не считали это преступлением, – поддержал меня Поль. – Может, это только здесь считается преступлением.

– Вам с Полем надо обязательно поработать над этим вместе, – посоветовал доктор, – вы думаете в одном направлении.

Я удивлённо уставилась на него. Доктор же знает, как я реагирую на Поля. Что это за совет такой? Заботится о моей скорейшей адаптации к любованию уродцами?

– Прошу прощения, – Грейдо поднялся, – данные о сканировании обработаны, капитан.

– Прекрасно, – капитан тоже поднялся. – Вынужден вас покинуть. Благодарю всех за работу. И за свежие версии.

Мне показалось, или мне тоже достался благосклонный взгляд капитана?

– Я тоже вас покину. Хочу успеть до ужина катер установку проверить, – Грейдо подмигнул мне с порога, и я тут же

вспомнила о нашем свидании.

Нет! Не о свидании. Это просто интервью о его работе. Надежда совсем сбила меня с толку своими нелепыми предположениями. Хорошо хоть сейчас она занята разговором с доктором и Полем и не заметила выходки Грейдо.

– Надежда, я выгрузил данные зондов, – раздался бодрый голос Грейдо по общей связи. – Поль, изменения в программе, что ты просил, тоже установлены. Так что, хватит языками чесать, всем работать!

– Действительно, – Надежда, взглянув на свой браслет, быстро поднялась, – у меня тоже анализ уже закончен. Дара, Поль, вы всё-таки поработайте над вашей версией.

Я быстро сообразила, что рискую через минуту оставаться с Полем наедине, и быстро вышла вместе с Надеждой и Пабло.

Я с удовольствием бы с ним пообщалась ещё, если бы... если бы меня до сих пор не передёргивало от отвращения. Ну что я могу с этим поделать?

У меня есть ещё целых два часа до назначенной встречи с Грейдо и я пошла в свою каюту. Лучше всего это время потратить на запись идей сказок. После фантастических версий Поля и этого забавного обсуждения моей версии, голова моя была просто переполнена бурлящими идеями. Надо их все записать, я потом остыну и забуду.

Космос – как необъятное число вариантов реальностей.

Шикарная концепция у Поля. И вообще, он классный! Как получилось, что такой потрясающий человек живёт в таком теле? Неужели его вылечить не могут? Да не может такого быть при нашем уровне медицины! Как вообще он мог родиться таким? Это же просто не возможно! И это не справедливо. Он хороший. Он не заслуживает это издевательское тело. Это не справедливо!

Какая это странная ситуация. Вот сейчас я точно понимаю, что Польша для меня, с точки зрения прототипа героя сказки, самый интересный из исследователей на этой станции. И я непременно должна с ним пообщаться. Как же мне справиться с реакцией своего организма?

Я уютно устроилась в кресле, открыла мой рабочий блокнот... и поняла, что ничего не могу записать. Даже сформулировать толком не в состоянии. Столько всего произошло за этот день! Столько странных, не связанных друг с другом фактов на меня обрушилось, что я даже у себя в голове не в состоянии увязать эту всё в хоть какую-то общую картину, не то, что описать. В голове каша из поющих цветочков, объединенных растениями – падальщиками костей пристрелянных Атракси, убивающим проклятием местных древних богов и собранной из кусков планеты. Всего этого слишком много для меня, особенно в один день. И особенно в моём подавленном психологическом состоянии, когда я все силы трачу на то, что бы контролировать мою абсолют-

но неожиданную реакцию на Поля. Да ещё и эти придирки и насмешки Надежды. И капитан с его ледяным сверлящим взглядом.

Какая уж тут работа? Чувствую себя жутко измотанной. Устала как после двухнедельного экзаменационного марафона. А мне здесь ещё целых двадцать пять дней жить. Устала. Мне просто надо отдохнуть. И лучше активно отдохнуть. А здесь никаких вечеринок! По крайней мере, до прилёта оперативников. Скукотища.

Я невольно зевнула и прикрыла глаза. Водоворот странных ярких образов закружился перед моими глазами. Цветочки крестиком, цветочки звездочкой, круги и цветочков по всё планете, и всё это поёт. Не удивительно, что здесь все вымерли. Поющие цветы. Им же даже заткнуться не прикажешь. Хотя, местные их не слышали, на их счастье. Так и заснуть не долго.

Я резко подскочила. Ой! Грейдо! Уже восьмой час! У меня же свидание с Грейдо! То есть, никакое не свидание, конечно. Интервью. Деловая встреча. Ох уж эта Надежда.

Это не свидание

Я, на ходу приводя себя в порядок, бросилась к столовой. Влетела в зал и замерла на пороге. В пустой столовой с приглушённым светом он сидел за столом один, так печально свесив голову, словно ждал меня в полном отчаянии уже це-

лый месяц. Но заметив меня, он сразу оживился и встал, довольно улыбаясь, словно я принесла весть о победе его команды в чемпионате созвездия.

– Извини, я задержалась.

– Ничего, девушкам положено опаздывать, – он вытащил из-за спины и протянул мне цветок, собранный из конфеток.

– О! Как мило! – я была, конечно, очень польщена его вниманием, но теперь предположение Надежды заставляли меня думать, что Грейдо, возможно, действительно мог не совсем так понять мою просьбу о встрече. И этот его взгляд довольного мальчугана, впервые получившего согласие от девочки, только обострял мои опасения. Так, надо сразу переходить к обсуждению серьёзных вопросов.

– Поужинаем? – масляным голосом предложил Грейдо. – Что тебе заказать?

– Вообще-то, я хотела расспросить тебя о твоей работе, – серьёзно ответила я.

– Ну, одно другому не мешает. Я страшно голоден! – улыбнулся Грейдо. – Так ты ужинала?

– Нет ещё, – сдалась я.

Он провёл ладонью над вазочкой с водой и плавающие в ней прозрачные шарики загорелись тёплым розовым светом. Очень эффектно получилось.

– Что это?

– Если честно, датчики движения. Но так уютнее.

– Правда уютнее, – согласилась я. – А как ты свет отклю-

чил, здесь же автоматика?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.